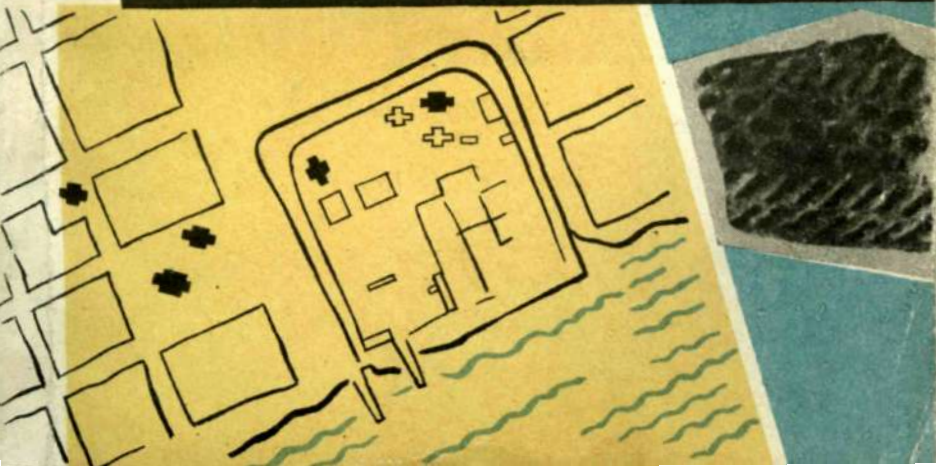

ГОРОДА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

К. П. ГЕМП

КАРГОПОЛЬ

Северо-Западное книжное издательство 1968

К. П. ГЕП

КАРГОПОЛЬ

С каждым годом увеличивается интерес к городам и селам русского Севера, в которых сохранились памятники каменного и деревянного зодчества, древняя живопись, предметы народного художественного творчества.

Автор книги К. П. Гемп, действительный член Всесоюзного географического общества, знакомит читателей с одним из старейших городов Архангельской области, городом-музеем Каргополем и Каргопольским районом, имеющим богатейшие памятники каменного и деревянного зодчества.

В книге даны сведения о генеральном плане реконструкции Каргополя, предусматривающем сохранение памятников старой архитектуры в окружении архитектуры современной.

**КРАТКИЙ
ФИЗИКО-
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ОЧЕРК
КАРГОПОЛЬСКОГО
КРАЯ**

Каргопольский район расположен в западной части Архангельской области, его территория 10,2 тыс. квадратных километров.

Природные особенности района, его бывшее экономическое значение в Новгородской республике и Московском государстве, история, богатая событиями, обусловили в прошлом своеобразие его хозяйства, культуры и быта населения. Чтобы отметить это своеобразие, район издавна называют Каргопольским краем или Каргопольщиной. Эти наименования бытуют и в наше время. Хотя современный Каргопольский район утратил бывшее экономи-

ческое и политическое значение, здесь сохранились изумительные памятники самобытного каменного и деревянного зодчества и народного искусства. Они также подрамеваются, когда речь идет о Каргопольщине.

Каргопольский район лежит в пределах восточного крыла Балтийского щита. Строение щита и составляющие его кристаллические породы определяют рельеф и богатства недр района.

Рельеф района ярко выраженного моренного характера. Холмистые гряды чередуются с плоскими, слегка волнистыми равнинами. Холмы сложены или кристаллическими коренными породами, или ледниковыми отложениями: глинами, песками, валунами. В понижениях между холмами образовались озера, часть которых с веками заросла, и они заболотились, а позднее на месте многих болот образовались мощные слои торфа.

Возвышенная моренная гряда, на которой стоит Каргополь, является водоразделом Беломорского и Балтийского бассейнов.

В северной части района, по реке Онеге, встречаются бокситы, огнеупорные, тугоплавкие и цветные глины. Близ озера Лаче и вокруг Каргополя залегает знаменитый «белый камень» — известняки и доломиты. Они то уходят вглубь под покров тяжелых суглинков, песков и культурной почвы, то подходят близко к поверхности в виде сплошной плиты, крупного обломочника и мелкой щебенки. В возвышенной части района, в пределах водораздела, по холмистым берегам рек и озер залежи и выходы гипса. Известны в крае и местонахождения железной руды (болотной) и многочисленные соляные источники. Выварка соли велась здесь с незапамятных времен.

Каргопольский край славится водными массивами — это озеро Лаче и Лекшмозеро. Зеркало озера Лаче составляет 314 квадратных километров.

Территория района хорошо дренажирована. Ее прорезают многочисленные реки: многоводная, местами стремительная и на порогах бурливая Онега — единственная река, вытекающая из озера Лаче; порожистая Свидь, соединяющая озера Лаче и Воже (лежит в Вологодской области); живописные, часто порожистые Ковжа, Кинема, Ухта, Тихменга, Лекшма, Канакша, Ольга, впадающие в озеро; притоки Онеги — Волошка, Большая Порма и другие. Многочисленны ключи, не замерзающие даже во время сильных морозов. Только Каргопольская сушь, моренная равнина, лежащая к западу от Каргополя, не может похвалиться изобилием рек и озер.

Хорошо развитая сеть рек и озер сыграла большую роль в освоении не только Каргопольского края, но и всего Поморья. Она обеспечила связи с Белым морем, Подвиньем, Онежским краем и Ладогой. В настоящее время транспортное и хозяйственное значение речной сети возросло еще больше.

Болота в районе — преимущественно сфагново-осоковые торфяники и согры, ключевые встречаются реже.

Среди торфяников и болот обширные пространства богатых минеральных (карбонатных) почв: темноцветных, слабоподзоленных суглинков и супесей. Почвы Каргопольской суши — легкие подзолистые, а в лесных районах преимущественно торфянистые.

Значительная часть площади района покрыта хвойными и лиственными лесами: здесь растут сосна, ель, береза, ольха.

Богата Каргопольщина строительными материалами. Умело и широко использовали и используют их каргопольцы.

Климат в районе мягче, чем в Подвинье, но суровее Вологодского. Все же средняя годовая температура воздуха плюс 1,6° (в Архангельске плюс 0,4°), амплитуда

плюс 16° (июль)— минус 12° (декабрь). Осадков выпадает достаточно, в среднем 535 мм в год. Вегетационный период продолжительный, дней без морозов в среднем 190 в год.

В лесах богатые ягодники, растут брусника, черника, на болотах изобилие клюквы. Район издавна славится грибами-рыжиками.

Благоприятные природные условия издавна привлекали человека к озеру Лаче и на Онегу и определили пути и районы его расселения.

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЮТ НАХОДКИ АРХЕОЛОГОВ

Каргополь — один из древнейших городов Архангельского севера, а район, который он объединяет, — один из тех, какие человек начал заселять за несколько тысячелетий до нашей эры.

Обширные археологические исследования по берегам рек Свидь и Онега, озер Воже и Лаче, проведенные в последние тридцать-сорок лет, установили, что район в непосредственном соседстве с современной территорией Каргополя был обжит задолго до основания города. Древ-

нейшие поселения человека в этом районе относятся к четвертому тысячелетию до нашей эры, к периоду неолита.

Стоянку первобытного человека на восточном берегу озера Лаче впервые обнаружил палеонтолог И. С. Поляков в конце XIX в. Позднее другие исследователи нашли следы поселений на правом берегу реки Онеги, близ деревни Кубенино, в четырех километрах от Каргополя. Две стоянки в 40 километрах от Каргополя на реке Кинема, в полукилометре от впадения ее в озеро Лаче, в местности Веретье, нашла археологическая экспедиция Московского государственного исторического музея. В 1929—1934 гг. эти стоянки были детально исследованы экспедицией под руководством М. Е. Фосс.

Стоянки расположены одна над другой. Лежащая ниже археологами названа Нижнее Веретье. Это поселение возникло за 2500—2300 лет до нашей эры. Человек оставался здесь недолго, возможно, несколько столетий. По какой-то причине стоянка была покинута и заросла густым покровом растительности. Над остатками стоянки с веками образовался слой торфа толщиной до 10—15 сантиметров. Примерно через тысячу лет над первой стоянкой возникло новое поселение, названное археологами Верхнее Веретье. Человек жил здесь в 1500—500 гг. до нашей эры.

Найдены следы поселений человека и в других местах района. Археологи насчитывают в Каргопольщине более 50 древних стоянок.

Все стоянки расположены вблизи озер или на холмах вдоль рек. Население их было малочисленным, не более 25—30 человек. Все принадлежали к одному и тому же роду. Основным занятием было рыболовство и охота на водоплавающую птицу.

На стоянках найдено много различных предметов домашнего обихода и промысловых орудий: черепки глиня-

ной посуды, роговые и костяные рыболовные крючки, гарпуны, кремневые наконечники стрел, скребки, долота, топоры. Обнаружены остатки очагов и погребений.

В 1959 г. на Ольском мысе озера Лаче экспедиция Архангельского краеведческого музея нашла части горна с остатками крицы и шлака. Предполагается, что находку можно датировать первой половиной 1-го тысячелетия до нашей эры.

Все находки свидетельствуют об оседлой жизни человека уже в то далекое от нас время, о его занятиях и быте, тесно связанных с окружающей природой, о зачатках искусства.

По остаткам растений в слоях торфа ученые установили, что заселяемый край был покрыт сосновыми, еловыми и березовыми лесами. Остатки же костей животных и птиц, найденных на стоянках, свидетельствуют о том, что человек охотился на лося, бобра, лебедей, уток и гагар.

Большое количество найденного археологического материала позволило установить, что неолитическая культура, сложившаяся в районе озер Лаче, Кенозеро, Воже и верховьев реки Онеги, во многом отличается от культур других районов, например, культур беломорской, карельской и печорской. Этой культуре, сложившейся в период от 4000 до 3000 лет до нашей эры, дано название каргопольской.

Керамические изделия каргопольской культуры отличаются характерным орнаментом из ямок и вдавлений гребенчатым штампом. Керамика такого типа известна под названием ямочно-гребенчатой. Кроме ямок в виде круга и ромба, обычных для многих культур, каргопольская керамика украшена еще и ямками в виде овала, прямоугольника и треугольника. Для каргопольской культуры характерны также особой формы орудия из кремня, например, серповидные ножи.

Археологические находки рассказывают не только о занятиях и быте древнейших племен, населявших Каргопольщину, но также и о путях их передвижений и районах расселения. Они же позволяют установить, какие связи существовали между различными племенами.

Предметы с характерными чертами каргопольской культуры археологи обнаружили и за пределами ее возникновения и развития. На древней стоянке Рантопельто в Финляндии найден кремневый серповидный нож, сходный с ножами, обнаруженными на стоянке в устье реки Кинемы. В районе стоянки близ деревни Кубенино и на стоянке в Хонкапиemi в Финляндии найдены глиняные скульптуры животных, также сходные между собой.

Все эти находки позволяют предполагать возможность связей между племенами каргопольской культуры и племенами Финляндии.

На берегу озера Лаче найден бронзовый кельт. Для получения бронзы необходима медь. Получить ее в те далекие времена можно было от племен, населявших Камско-Волжский район. Известно, что эти племена добывали медь. А на стоянке у озера Воже найдены украшения из янтаря, который можно было получить только от племен, живших на Балтийском побережье. Эти находки позволяют предполагать, что племена каргопольской культуры обменивались с племенами Камы и Прибалтики.

Археологи не прекращают поисков и исследований чудских городищ. Так в наши дни старожилы Каргополя называют следы всех уже исчезнувших поселений, считая их местами обитания первонаселенцев края — «чуди белоглазой». Новые находки полнее расскажут нам о древнейшем населении Каргопольщины.

ЗАСЕЛЕНИЕ КАРГОПОЛЬСКОГО КРАЯ

Скудость археологического материала не позволяет установить, как шло заселение Каргопольского края в начале нашей эры.

Историки Карелии считают, что источником для суждений о судьбах древних племен их края в тот промежуток времени, о котором еще не заговорили археологические памятники, может служить народный эпос — знаменитые руны Калевалы. В рунах описываются уже не раздробленные мелкие родовые группы, оставившие след в Кубенине, Караваихе, Верхнем и Нижнем Веретье. Уже не охота и рыболовство составляют основу их хозяйства, а земледелие. Родовой строй у первоселов края постепенно разлагается, а быт человеческого общества усложняется.

Несомненно, что и на территории Каргопольского края с постепенным распадом родового строя оформляются племенные группы, а затем и союзы родственных племен. Основой хозяйства становятся земледелие и скотоводство. Процесс этот — длительный, охватывающий века. Но к приходу новгородцев — первых русских поселенцев за

Ладогой и озером Онего Каргопольский край был заселен угро-финскими племенами. Об этом периоде жизни края имеются уже письменные документы.

В XI в. в Новгородской летописи появляются первые упоминания о Заволочье, то есть о землях, лежащих по отношению к Новгороду за волоком, за водоразделами, идущими по озерам Белое, Воже, Кубенское и реке Шексне. Заволочье — это долины рек Онеги, Двины, Кулоя, Мезени и Печоры, побережья Белого моря. Позже, в XIII в., Заволочьем называются только те земли, которые лежат между реками Онегой, Северной Двиной и Кулоем.

Из летописи мы узнаём, что в Заволочье жили племена, известные в то время под собирательным наименованием «заволоцкая чудь». Это наименование объединяло племена: лопь, корелу, емь, самоедь, пермь, печору и югру.

В летописи указываются и районы расселения этих племен. Поселения их были редко разбросаны гнездами по берегам рек, соответственно выходам плодородных почв, или в районе лесов. Природные условия определяли и основные занятия населения. Остатки «чудских городищ» встречаются, главным образом, в восточной части Каргопольского края.

Слухи и сведения о богатствах северных земель дошли до Новгорода раньше, чем летописец упомянул о Заволочье. Для Новгорода, ведшего обширную внутреннюю и заморскую торговлю, Заволочье было кладовой, из которой можно было черпать товары для иноземного торга. Здесь же можно было собрать с населения немалую дань.

За данью и в поисках товаров — пушнины, моржового клыка, кож и сала морского зверя, соли новгородцы с великими усилиями «пробили» в IX—XI вв. несколько путей на север и северо-восток. Они добирались водными

путями и волоками через «лешие озера, мхи и перевозы», не зная, что встретят и к чему придут. Шли по солнцу и по звездам. В пути были месяцы, а иной раз и годы. Попутным был для них родной ветер — шелонник.

За сбором дани новгородские власти направляли вооруженные отряды. Под 1042 г. в Никоновской летописи записано: «Иде Володимер, сын Ярославля из Новаго города на Емь и победита их и плениша множество».

В XII в. Новгород прочно утвердился на Онеге и Двине. Об этом свидетельствует Уставная грамота новгородского князя Святослава Ольговича, относящаяся к 1137 г. Грамотой была определена десятина в пользу св. Софии от дани, вир и продажи, которую должны были вносить погосты «в Онеге и на Колмогорах». В перечне упоминаются погосты, лежащие близ будущего Каргополя.

Добыча товаров в Заволочье, доставка их в Новгород требовали больших средств, организации и вооруженной силы. Снаряжение отрядов за товарами было доступно только экономически и политически сильным новгородским боярам. Отряды холопов-сбоев этих бояр и были первыми новгородцами, осваивающими Север. За ними появились отряды ростовских бояр. Отряды оседали по берегам рек и озер или продвигались до берегов моря, занимали на имя своего боярина приглянувшиеся места. Первоначально новгородцы стремились только или получить у местного населения пушнину и рыбу, или промыслить их. Они ставили временные ловчие станы и рыбные тони. Но скоро в тех местах, где было возможно заниматься земледелием, появились «страдаемые деревни и орамые земли». Отряды оседали «врозни», и их поселки и угодья разделялись лесами и ничейными землями. Поэтому бояре, заняв десятки угодий, закрепляли за собой весь участок, в пределах которого они были расположены, подчиняли мелких соседей своему влиянию, «примучивая»

древнейшее население. Так в период XII—XIV вв. возникали обширные земельные частные владения новгородской боярщины. Своими путями, а также по путям, проторенным боярскими холопами на Север, на Лаче и Онегу шли крестьяне и промышленники, селившиеся в одиночку или в «два-три друга» и редко в «десять-двенадцать друзей». Они-то и развивали в Каргопольском крае земледелие и лесные промыслы.

Одновременно, а часто и впереди крестьянина шел на Север монах, основывал пустыньку, осваивал землю. Пустыни разрастались в монастыри, вокруг которых вырастали села. Позднее на Север начался приток населения из Владимиро-Суздальского края, а затем и из Москвы, спасавшегося от татарского ига и угрозы иноземного вторжения.

Край, где были, по житийной литературе, «непроходимые дебри и леса темные, и чащи, и дрязги великие, и мхи, и блата непостоянные», оживал, заселялся, в лесных чащах вырубались поляны для поселений и пашни, прокладывались тропы и дороги, предшественники оживленных торговых путей. Складывалась славянская культура Каргопольщины, как части Севера.

Многочисленное местное население или уходило на северо-запад, или сливалось с пришельцами, ассимилировалось. Память об угро-финских племенах сохранилась в наименованиях рек, озер, урочищ: Тихманга, Ухта, Ловзанга, Пилегма, Лекшма и др. Древнейшие названия местностей— это «особый мир окаменелостей географической номенклатуры» (Н. И. Надеждин, 1837), по которому можно воскрешать прошлое.

ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДА КАРГОПОЛЯ

О времени основания города Каргополя на левом берегу реки Онеги, близ истока ее, документов не сохранилось. Возможно, что населенный пункт, предшественник Каргополя, возник в начале XI в., что заложили его новгородцы, спускавшиеся по реке Онеге к Студеному морю. Тогда этот населенный пункт славянского происхождения. Но, может быть, он заложен и на месте уже существовавшего ранее чудского поселения.

Относительно происхождения наименования города существует несколько предположений:

1. Наименование финского происхождения «каркун пуоли» — овсяная сторона, или «каргун пуоли» — медвежья сторона. Отсюда — Каргополь.

2. Наименование греческого происхождения «карг-о-полис» — корабельная пристань. Автор этого предположения приводит греческие наименования городов Адриан-о-полис и Константин-о-полис и предполагает, что эти топонимы аналогичны по своему образованию.

3. Город назван в связи с тем, что район, где он стоит, изобилует воронами, местное наименование которых «карга». Отсюда Каргополь — это воронье поле.

4. Наименование Каргополь образовалось из двух слов: финского «кар» или «карго», значение которых не установлено, и славянского «поле».

Вокруг Белозерска, лежащего в 190 километрах от Каргополя, есть селения с составным наименованием: Карголом, Каргободна, Каргинцы. Происхождение их не доказано, как и наименование Каргополь. Существуют лишь предположения.

Долгое время наименование города писалось раздельно «Карго поле», «Каргу полю», «на Карго поле». Такое раздельное написание встречается в Сотной переписи 1561—1564 гг. и в переписях XVII в. Это свидетельствует о том, что название города образовалось из двух слов, последнее из которых славянское слово «поле». Происхождение первого до сих пор нельзя считать выясненным. Образование географических наименований путем слияния двух слов, определяемого и определяющего, на Севере встречается особенно часто, например, Лодейное Поле. Янич Поле, Карпогоры, Кегостров, Ухтоостров, Ругозеро, Пустозерск, Белозерск (Белоозеро).

История и культура Каргопольщины интересует многих и давно. Но мало кто знает, что русский поэт допушкинского времени Гавриил Романович Державин оставил интереснейшее описание своего путешествия в 1785 г. по Карелии, во время которого он собрал материал по истории и этнографии края, в том числе и Каргопольщины. Эти материалы рассеяны по архивам Архангельска, Ленинграда и Петрозаводска. Опубликована только малая часть их. В путевом дневнике «Поденная записка, учиненная во время обозрения губернии правителем Олонецкого наместничества Державиным», есть записи с 1-го по 5 сентября 1785 г. о городе Каргополе. «Начало построения города сего древность от нас скрыла, что же оный из числа старинных городов доказывает сие найденная

в монастырских бумагах рукопись, в коей показуется, что жители сих мест... нападали на белозерские селения... все на ходу пожигали и опустошали, и сие до толе продолжалось, доколе князь Вячеслав, собрав войска, отразил нападение чуди и, победа, гнал оную до берегов Белого моря. На обратном пути... нашед поле, удобное для отдохновения... назвал князь оное каргиным полем и учредил на оном свой стол... россияне сделали на поле том острог, знаки коего и донныне видны».

Державин эти сведения встретил в «найденной в монастырских бумагах рукописи». Об этой рукописи сообщил также член-корреспондент археологического общества П. Н. Рыбников (1863 г.).

О княжеском городе Белоозеро «Повесть временных лет» упоминает в записи 862 г. Есть записи и о походах белоозерского князя Вячеслава против чуди в 1146 г. Поэтому эту дату закладки острога, по-видимому, можно считать датой основания Каргополя.

Место для острога было выбрано удачно, он господствовал над водным путем между Белоозерьем и Белым морем, прикрывал пути с Онежского озера на Северную Двину и Задвинье. Поселение около острога было под надежной защитой.

В дальнейшем экономическая и политическая роль Каргополя была тесно связана с его оборонным значением на торговых путях.

О жизни Каргополя в период до второй половины XIV в. известно мало. Богатый архив города сгорел во время пожара, истребившего или повредившего в 1765 г. почти все городские строения. Об этом сообщал Г. Р. Державин.

В различных летописных сводах имеются только косвенные указания на существование Каргопольского кня-

В XII—XIV вв. Каргополь, по-видимому, входил в состав Белоозерского удельного княжества. В «Задонщине», древнерусской поэтической повести XIV в. о Мамаевом побоище, то есть о Куликовской битве 1380 г., упоминается о двенадцати князьях белоозерских, сложивших свои головы на поле брани. Существует предание, что в числе их был каргопольский князь Глеб. Никоновская летопись также свидетельствует о том, что князь Глеб явился в Коломну по призыву великого князя Дмитрия Ивановича (Донского) для участия в битвах против Мамаева.

Возможно, что какое-то время Каргополь был престольным городом удельного Каргопольского княжества. На фреске, находящейся на сводах паперти собора Новоспасского монастыря в Москве, в числе удельных князей изображен в родословном древе каргопольский князь Федор. Фреска сохранилась до наших дней.

Но и при наличии княжений район бассейна реки Онеги, а следовательно и Каргополь, находились в сфере экономических и политических влияний Новгорода.

Значение Каргополя экономическое и оборонное учитывали и Москва, и Новгород, поэтому уже в начальный период их борьбы за северные области, за Двину и Поморье в нее был вовлечен и Каргополь. Стремясь подорвать экономическое и политическое значение Новгорода на Севере, великий князь московский Дмитрий Иванович Донской в 1389 г., как об этом сообщается в Устюжском летописном своде (Архангелогородском летописце), передал своему третьему сыну, Андрею «... на Белоозере два города Карголом, да Каргополь, а прежде того было Белоозерское великое княжение».

Каргополь впервые назван «городом» в документах XIV в. Но в степень города официально он был возведен в 1613 г.

В 1397 г. великий князь московский Василий Дмитриевич, стремясь еще более усилить влияние Москвы на Двине и в Поморье, послал «рати на заволочан». Двинские бояре после некоторого сопротивления признали власть Москвы. Но новгородцы, не желая упустить из-под своего влияния богатейший район, в следующем же году обратились к новгородскому владыке с заявлением: «не можем, господине, отче святой, сего терпети от великого князя Василия Дмитриевича: отнял у святой Софии премудрость божия и у Великого Новгорода пригороды, волости, нашу вотчину; хотим поискати своих вотчин...» «Благословил их владыка». Войска новгородские «поидоша на Двину» (Архангелогородский летописец, 1398, л. 197, 197 об.).

Новгород восстановил свою власть. Каргополь был в числе городов, снова признавших ее и возвративших свои вольности.

Противясь усилению власти Москвы на Севере, Каргополь в 1447 г. укрыл за своими стенами от великого князя московского Василия Темного его политических соперников, князей Дмитрия Шемяку и Ивана Можайского, которые захватили с собой в Каргополь казну московскую и в качестве заложницы прихватили княгиню Софью, мать Василия. Сопротивление Каргополя влиянию Москвы было упорным. В 1471 г. каргопольцы участвовали в битве войск Новгорода и Москвы на реке Шиллинге на стороне Новгорода.

В 1478 г. Новгородская республика перестала существовать, и Каргополь, как и все Заволочье и Подвинье, вошел в состав общерусского Московского государства. В 1489 г. каргопольцы участвовали в походе уже Московского великого князя на Вятку, которая, как еще недавно и Каргополь, не признавала власти Москвы. При участии каргопольцев «Вятку всю развеяли по всей земле».

В 1536 г. Каргополю, как и другим городам, была дана

Уставная грамота, определяющая порядок управления краем и права его населения. Управлял краем наместник, присланный из Москвы. Он вершил все дела с помощью тиунов, старост, пошлинников и целовальников по московским приказным порядкам. Среди наместников бывали Д. И. Шуйский, В. Ф. Скопин-Шуйский, оба именитые бояре и военачальники, участники ратных московских дел.

В 1539 г. Каргополю дана губная грамота (судная): «князем и детям боярским, отченикам и помесчикам, и всем служилым людям и старостам и соцким и всем христианам моим великого князя, митрополичьим и владычным, князьим и боярским, помесчиковым и монастырским и черным и псарем и осочникам и перевесникам и бортникам и рыболовам и бобровникам и оброчникам и всем без отмены чей кто прибудет».

Из этой грамоты мы узнаем о составе населения Каргопольщины, о взаимоотношениях, подчиненности и занятиях представителей различных сословий.

Создание и укрепление централизованного Русского государства происходило в обстановке борьбы между московским правительством и служилым дворянством, с одной стороны, и родовой боярской знатью — с другой. Борьба с реакционными феодальными пережитками особенно обострилась во 2-й половине XVI в. Для скорейшего разгрома оппозиции бывших удельных князей и боярства Иван IV создал опричнину. Обеспечить содержание опричнины должны были девятнадцать городов, в числе которых был и Каргополь. В 1565 г. Грозный зачислил его «на свой обиход» как район, важный и в стратегическом отношении.

О значении Каргополя свидетельствует и передача великими князьями московскими Иваном III, а затем Иваном IV города и всего Поонежья своим старшим сыновьям по завещанию.

По указам 1657 и 1660 гг. Каргоподем управляет воевода, что характеризует усилившееся значение его. Многие добивались каргопольского воеводства, оно было почетным и выгодным. Территория воеводства расширяется, в его состав входит более 30 волостей.

Воеводство просуществовало до 1775 г., когда воеводу заменил городничий.

При административном делении Российской империи на губернии Каргополь в 1708 г. был отнесен к Ингерманландской, а в 1710 г. — к Петербургской губернии и «состоял» до 1719 г. в ведении Адмиралтейства, получившего право использовать население Каргопольщины для «корабельных работ» на петербургских верфях. В 1776 г. Каргополь числился уездным городом Олонецкой провинции Новгородской губернии, а с 1801 г. — Олонецкой губернии. В 1918 г. город был включен в состав Вологодской губернии, а в 1929 г. он вошел в состав Северного края, а затем Архангельской области.

Герб Каргополя был утвержден в конце XVIII в. На нем изображен баран на костре. Есть предания, что такое изображение было на знамени Каргополя, участвовавшего в Куликовской битве.

Каргополь стоит близ истоков реки Онеги из озера Лаче, на пересечении многих путей. Древнейшие из них, многосотлетние, с которыми тесно связано и возникновение, и развитие города, шли из Новгорода на восток через Приладожье и по югу Онежского озера, по мелким рекам и волокам на реку Онегу. Шел путь и с севера от Колы через систему рек и озер в Белое море и вдоль его берегов также на реку Онегу. Оба пути пересекались у Каргополя. Третий, Белозерский путь, по рекам, озерам и волокам

связывал Каргополь с Кирилловым, Вологдой, В. Устюгом, Ярославлем и Москвой.

К востоку от Каргополя шли пути через Мошу на Сухону, а по Ваге — на Шенкурск и на Двину: к Сие, Емецку Холмогорам, а позднее и к Архангельску.

Западные пути вели на Онежское озеро, а северо-западные — на реку Выг. Эти пути связывали Каргополь с Карелией.

И. Полосин указывает на наличие в XVI в. путей из «европских стран» через Каргополь на Волгу и дальше в Шемаху, Хиву, Бухару и в Индию с Китаем.

О Каргополе второй половины XVI в. упоминает Генрих Штаден — авантюрист, оставивший записки о Московском государстве Ивана Грозного. Немец по происхождению, он прожил в Московском государстве двенадцать лет, с 1564 по 1576 г. Побывал в Новгороде, в городах на Волге, Двине, Онеге, в Поморье до Колы. Состоял шесть лет в опричнине Грозного. Составил проект военной оккупации Московии путем первоначального захвата Поморья и дальнейшего продвижения через Каргополь и Вологду к Москве. Проект он представил германскому императору Рудольфу. Г. Штаден подчеркивал стратегическое значение Каргополя на перекрестках торговых путей, предполагал, что город может стать центром снабжения войска оккупантов. Он отметил также зарубежные связи каргопольцев: «В мирное время русские ходят обычно стругами из города Каргополя вниз по реке до Норвегии или Финмаркена и обратно вверх, в стругах же, до Каргополя». Записки Штадена хранятся в архиве г. Ганновера.

По зимнему пути к весне на каргопольские склады стекалось множество товаров. Хлеб, лен, кожи, смолу, пеньку, мыло привозили с юга, из Ярославля, Смоленска. Соль, рыбу, сало, шкуры морского зверя, иноземные товары доставляли из Колы, Беломорья и Соловков, местным был

«мягкий товар» — пушнина, особенно славилась Каргопольская белка, в выделке меха которой каргопольцы достигли высокого мастерства.

В Каргополе товары перевешивали, пересчитывали и погрузив на суда, отправляли к местам назначения. Вниз по реке Онеге товары везли к посадам и селам на побережье Белого моря, а через Кандалакшу направляли и на Мурман, в Колу. На Вологду, Ярославль и Москву летними водными путями и волоками отправляли соль. Рыба же в эти города «шла обозом» по зимнему пути из Поморья, пролегавшему через Кенозеро, село Ошевенское и Каргополь.

Торговые связи Каргополя в XV — XVII вв. были велики и многообразны. Уставные княжеские и царские грамоты и различные договорные документы с достаточной полнотой показывают и размеры, и пути торговли. Особенно большое значение имел Каргополь в торговле солью, привозимой из Поморья. Уставная грамота 1536 г. запрещает «...белозерцев и вологжан на Онегу к морю пропускать», предписывает белозерцам, вологжанам и холмогорцам соль «торговать с онежскими в Каргополе». В иных пунктах продажа соли им запрещалась. Закупали соль «...зиме на санях, а лете в судне...», «... а купив... учнут переделывать». В Каргополе были варницы для очистки соли — «морянки».

Торговлю солью каргопольцы вели не всегда честным путем. Покупатели жаловались, что они подмешивали «кардеху» «пуда по 2 и по 3 и больше в рагозину». На справедливые жалобы Иван Грозный в 1546 г. дал указание каргопольскому наместнику Петру Щенятеву запрещать делать подмеси к соли: «а которые каргополы, и турчасовцы, и порошана и устьмашане учнут соль продавать с кардехою и ты тех людей велел бы давать на поруки, да и заповедь на них на меня, и на себя велел доплатить по два

рубля, рубль на меня великого князя, рубль на себя».

Штраф в 2 рубля — это в те времена стоимость 65 пудов соли — штраф ощутимый.

Г. Штаден называет Каргополь «складом соли». На размеры соляной торговли в Каргополе указывает грамота, данная Кириллову монастырю в 1546 г. По этой грамоте монастырь получил право на беспошлинную покупку в городе 10 тысяч пудов соли для вывоза в Москву. При этом следует учесть, что Кириллов монастырь не был особо крупным покупателем.

Важни города перевешивали до 500 тысяч пудов соли в год.

В Каргополе же шел крупный торг «юхтозерским укладом», то есть карельским железом, которое привозили из Олонца и других пунктов Карелии. Каргопольцы-скупщики развозили его для продажи по различным городам, селам и монастырям.

Каргопольцы развили разнообразную промысловую деятельность и на Терском берегу Белого моря, устраивая там морские тони «красной рыбы» — семги. На «озерцах» они ставили тони белой рыбы, на реках — жемчужные садки, а в «леших ухोजеях звериные и птичьи ловы». Каргополь вел обширную торговлю продуктами этих промыслов.

В 1685 г. Каргополю было дано право вести торг салом морского зверя.

Для всех этих товаров были необходимы пристани, важни и склады, для торговли ими — лавки, для купцов-гостей и для «паломников», направляющихся в Соловки, — жилые помещения. Для молитв же об удаче и для благодарственных молебнов при обогащении нужны были храмы в городе и соседних монастырях. Город и его окрестности обстраивались. Меньшую часть зданий города составляли жилые дома, большую — склады, амбары, сараи.

В грамотах XVI и начала XVII в. Каргополь называется большим, многолюдным и богатым городом. Книга Большому Чертежу (1627 г.) называет его «град славный Каргополь».

Постоянное население Каргополя никогда не было особенно многочисленным. По Сотной переписи 1561—1564 гг., в городе было 476 тягловых дворов. По «Дозорной книге» воеводы В. В. Жукова в 1648 г. количество дворов увеличилось до 624. А в «Переписной книге» переписчика и коменданта С. И. Хвостова 1730 г. отмечено их 659.

Население Каргополя состояло не только из крестьян посадских людей, обложенных тягловыми повинностями. Здесь было немало служащих административных, судебных и различных приказов, церковнослужителей многочисленных церквей, монашествующих, военных, несущих службу в остроге.

Временно проживающие, иногда месяцами, промышленники, купцы, приказчики, корабельщики насчитывались сотнями.

XVI в. и первая половина XVII в. — период расцвета Каргополя. Но не всем жилось богато и привольно в этом славном городе. Налоги были велики и крестьянскому и ремесленному населению непосильны — «не по животам». Население страдало от произвола властей.

В записках Штадена приведены сообщения о незаконных поборах наместника, о наказаниях каргопольцев за провинность: «...он ставил их на правож и приказывал ежедневно бить их батогами». Жалобы обиженных в Москву оставались безрезультатными. Кроме того, наместник, узнав о них, «послал по всему уезду к священникам приказ — не венчать в церквах прежде, чем не будет уплачено 20 алтын».

Наместники произвольно перекрывали заставами дороги и приказывали «ото всех товаров отбирать то, что при-

дется ему по вкусу». Торговые люди и крестьяне «...сложились и порешили сопротивляться силой силе». Но «мятежи» были подавлены силой же.

Можно вспомнить, что и позднее каргопольцы не раз восставали против утеснений. В записях, хранившихся в Христорождественском соборе, сообщается о наказании крестьян, восставших в 1803 г. против поборов. Их били на площади кнутом, заковывали в кандалы, ссылали.

Светские и духовные власти, опасаясь повторения восстаний, решили прибегнуть к угрозам. Каргопольское духовное правление постановило ежегодно «читать о винах и наказаниях» с амвонов церковных для напоминания остальным и устрашения.

Во второй половине XVII в. экономическое значение Каргополя начинает заметно падать в связи с развитием Архангельска и перемещением торговых путей на Двину.

В XVIII в. торговля солью и железом в Каргополе замирает, но кустарный меховой промысел продолжает развиваться. Город по-прежнему славится выделкой беличьих мехов. Промысел этот сохранялся и в XIX и начале XX в. На обработку в Каргополь направляли беличьи шкурки даже из Ирбита, из Сибири. В год здесь выделывали до 350 тысяч шкурок.

Охота на белку начиналась зимой. Охотники уходили в леса «белковать» на много недель. Скупщик «белкопромышленник» снабжал их охотничьими припасами, продуктами и закреплял за собой все, что добудет охотник. Он же устанавливал и цену на белку. Обработка беличьих шкурок производилась или в мастерских скупщика, или скорняками-надомниками. «Скорняченье беличьей шкурки есть самая грязная, самая вредная для здоровья работа, во всех ее видах и переходах, духота от нее невыразимая», — писал К. А. Докучаев.

Великолепные каргопольские беличьи меха высоко це-

нились в столице, на Нижегородской ярмарке, шли за границу. Шили их надомницы крестьянки, «... многих из деревенских швей заставляет шить белку вопиющая бедность», отмечает все тот же автор.

Заработок мастера составлял 8 рублей в месяц, а швеи 3—4 рубля в месяц при пятнадцатичасовой работе в сутки. Зато доход «хозяина» равнялся 5 000 руб. и больше в год.

В. И. Ленин высоко оценил работу К. А. Докучаева. Он писал: «В высшей степени характерную и типичную капиталистическую мануфактуру представляет из себя беличий промысел в Каргопольском уезде Олонецкой губернии, описанный с таким знанием дела, с таким правдивым и бесхитростным воспроизведением всей жизни промыслового населения мастеровым-учителем».

Автор книги «Беличий промысел в Каргополе и окрестных селениях» Карп Андреевич Докучаев, сын каргопольского крестьянина, исходил вдоль и поперек Олонецкий край, родную Каргопольщину, наблюдал, записывал рассказы и песни, работал скорняком и занимался самообразованием. В зрелых летах он сдал экзамен на право преподавать грамоту и стал народным учителем. Знаток родного края, он написал о нем несколько книг.

Во второй половине XVIII в. через Каргополь проложен Петербургско-Архангельский почтовый тракт. Он шел от южного побережья Онежского озера, от города Вытегры на Каргополь и далее к северу на 60 километров по левому берегу реки Онеги, а затем через перевоз и на Архангельск. Но в это время Каргополь имел значение уже только как центр торговли беличьими мехами и как промежуточный пункт на оживленном торговом тракте.

По свидетельству Г. Р. Державина, в 1785 г. в Каргополе жилых зданий насчитывалось 432 и жителей — 2870.

А по переписи 1891 г. зданий здесь только 339 и жителей 2684. Город медленно замирал.

При прокладке в конце XIX в. Северной железной дороги, соединяющей Архангельск и Вологду через Няндому, Каргополь остался в стороне, и торговое значение его еще больше упало. Дореволюционный Каргополь был захолустным уездным городком с населением не более 2,5 тысячи человек и годовым бюджетом в 12 тысяч рублей. Крупными землевладельцами и держателями капитала были церкви и монастыри.

ЗАСТРОЙКА ДРЕВНЕГО ГОРОДА

Каргополь, как и многие древнерусские города, состоял из острога (крепости) и посада, разрастающегося около него, под его защитой. О первом остроге, возведенном в XII в., ни археологических, ни письменных свидетельств не сохранилось.

В период роста и расцвета Каргополь, занимавший ключевое положение на перекрестках торговых путей, нуждался в защите более надежной, чем старый острог, воз-

веденный белоозерцами. Поэтому каргопольцы в XV в. возводят новую крепость. Документы о времени постройки ее не сохранились, датировать ее точно мы не можем.

Наиболее ранние, полные и точные данные относительно укреплений Каргополя, возведенных в XV в., подтвержденные документами, относятся к первой четверти XVIII в. В это время крепость уже разрушилась, «...и во многих местах стена, кровля и лестницы, которые из города на городскую стену были, с ними и отвалились...» Об этом свидетельствует акт осмотра городских укреплений, произведенного в 1714 г.

В апреле 1714 г. по указу Петра I комендант Каргополя стольник П. В. Коробьин сдал управление городом князю П. Л. Касаткину-Ростовскому. В акте осмотра города имеется «роспись», озаглавленная «Каков город и что в городе наряду». Эта роспись содержит данные и о «строении древних городов», то есть о крепостных сооружениях. В акте городом называют укрепление, которое в других документах именуется городищем, острогом, крепостью. В дальнейшем мы называем его «крепость».

Крепость была расположена в восточной части современного Каргополя на берегу реки.

В росписи указывается: «Город деревянный, рубленный, четырехстенный». Стены были укреплены надолбами и девятью башнями, из которых четыре были угловые и пять настенные, при этом на северной стене две башни, а на остальных по одной. Об укреплении северной стены была проявлена особая забота, так как «иноземного» врага можно было ожидать именно с севера. Каждая башня имела свое наименование. Башня на северной стене, защищавшая пороховой погреб, называлась Средней. К востоку на той же стене ближе к реке была расположена Подлазная башня, от которой шел потайной ход к реке Онеге. Башня на восточной стене называлась Пытальной. К восточной сте-

не этой башни было прирублено три стены. Наименование башни определялось назначением этой пристройки: она служила застенком для пыток и наказаний. Из застенка был выход к реке. Узники, не выдержавшие истязаний, находили себе в ней могилу. «Концы в воду!» — кричал заплечный мастер своим подручным, и река принимала загубленного. К западной стене Пытальной башни примыкала тюрьма. Она находилась в крепости, а у тюрьмы — караульня. На южной стене возвышалась Воскресенская башня, а на западной — Троицкая.

Башни Воскресенская и Троицкая были «осмериковые» — восьмиугольные и восьмистенные. Все остальные — «четверостенные». Все башни — шатровые, покрытые тесом. Четыре настенных башни: Подлазная, Троицкая, Воскресенская и Пытальная были проходные с двойными воротами. Остальные башни — «глухие». В каждой башне — внутренние лестницы для подъема в верхние этажи и смотровые будки «для дозору». Высота башен достигала 24,5 метра, а высота крепостных стен 7 метров. С трех сторон крепости был вырыт ров, четвертая выходила к реке. Ров наполнялся водой. Для подъема на стену с ее внутренней стороны имелись деревянные лестницы. Вдоль южной и восточной стен внутри крепости были выстроены помещения для гарнизона. К северной стене примыкал каменный зелейный погреб для хранения боеприпасов и оружия. Башни были вооружены. В стенах крепости могло укрыться от врага и население окрестных деревень. Крепость занимала площадь 6,25 гектара. Периметр стен с башнями составлял 854 метра, лишь немногим менее периметра Соловецкой крепости и Гостиных дворов в Архангельске.

На территории крепости на Дьячей улице размещалась каменная кладовая для хранения казны — Приказная палата, в которой хранились знамена, свитки, кни-

ги писцовые, царские грамоты, указы и челобитные. В земляных государевых погребах хранились мушкеты, пищали, ядра железные, свинцовые и каменные весом от 0,5 до 5,0 фунтов, дробь в бочках, порох в лагунах и ушатах и свинец в чушках. Здесь же береглись клейменные ведра и вески (гири), по которым проверялись объем и вес ведер и гирь торговцев.

Жилых построек в крепости по переписи XVII—начала XVIII в. было 134: воеводский двор, избы приказных, приставов, сторожей, пушкарей, солдат, посадских людей, бобылей и дворы окрестных монастырей. Здесь же размещались церкви и различные хозяйственные постройки.

Строения располагались вдоль улиц и переулков. От проходных ворот Подлазной башни шла Проходная улица, на которой жили мастера каменного дела. Заплечные мастера, палачи, пытающие узников, жили на Марковой улице. В переписной книге 1710 г. упоминается: «заплечный мастер каргополец Никита Одоев 30 лет, живет в городе в Маркове улице».

Каргопольская крепость неоднократно отражала врага, защищала родной край. В начале XVII в. русское государство подверглось польско-литовскому и шведскому нашествию, и русский народ поднялся на защиту отечества. Ополчение под руководством К. Минина и Д. Пожарского помогло освободить Москву от иноземных захватчиков. Но отряды разгромленных войск врага продолжали бесчинствовать, грабить и жечь города и села. Такие отряды, прослышав о богатствах северных городов, подошли к Вологде, пограбили и пожгли ее. Грабили и жгли они и Белозерск, а в декабре 1612 г. подошли к Каргополю. Каргопольцы укрылись в крепости, отбили врага и не дали ему прорваться в Поморье. Посад вокруг крепости сильно пострадал от пожара: враги пытались сжечь его. При этом

Благовещенская церковь. Западный фасад. XVIII в.

Рождественская церковь. Южный фасад. Начало XIX в.

Воскресенский собор. Южный фасад. XVII в.

Христорождественский собор. XVI в.

пожаре погиб замечательный памятник русского деревянного зодчества — храм «Введения пречистой Богородицы» построенный в 1561 — 1564 гг. О храме мы знаем

только по рассказам и легендам, передающимся из поколения в поколение.

Вражеские отряды подходили к Каргополю и в 1613 г. и вновь осадили его в 1614 г. Но каргопольцы и на этот раз заставили врага уйти ни с чем. Об этих героических событиях напоминает крепостная пушка, установленная теперь у здания краеведческого музея.

За воинские заслуги каргопольцам из Москвы была дана «Похвальная грамота...», в которой отмечалось: «...и службу всех вас во века учиним памятну...», и дальше «...и во многих местах изменников наших русских и литовских людей побивали, и многие города и волости от воров очистили и преславные победы над нашими изменниками везде показали».

Каргопольская крепость до половины XVII в. занимала положение порубежного укрепления. С расширением территории Московского государства она утратила это значение. Крепость стали забывать, в ней не нуждались, она свое отслужила. Крепостные сооружения разрушались. Остатки крепости каргопольцы называют Валушки.

Каргополь-посад непосредственно примыкал к крепости со всех сторон. О расположении посада, занимаемой им площади, ее расширении, застройке, занятиях населения мы узнаем из «Переписных книг» 1561 — 1564, 1648, 1710 и 1730 гг., а также из «Поденных записок» Г. Р. Державина 1785 г.

Посад сложился не сразу, он рос и застраивался в течение почти шести веков. За этот период он растянулся вдоль реки на два километра, а в ширину раздвинулся только на километр. Жителей притягивала река-кормилица и широкая путь-дорога. Площадь посада не превышала

20 гектаров. С северо-запада посад был обнесен валом. К посаду подступали пашни, луга, леса, болота.

Кишкин ручей, впадающий в Онегу, делит его на две части: Красный посад и Слободку, прозванную Колобовой горкой. В центре горки возвышалась Зосимо-Савватиевская церковь, упоминаемая переписями XVI в. За Колобовой горкой, близ истоков Онеги, в XIV в. был основан мужской Успенский монастырь, «реорганизованный» в 1649 г. в женский. На территории посада были еще два монастыря, женский Духовский (Св. Духа) и мужской Воздвиженский со своими церквями. На правом берегу реки, почти против крепости, располагался Спасопреображенский (он же Спасокаргопольский, Спасский) мужской монастырь, один из древнейших в этом крае.

Перепись 1730 г. упоминает еще третью часть Каргополя — Винный порядок, по-видимому, в крепости.

Здания в посаде располагались в более или менее определенном порядке по улицам, переулкам и на площадях. Направление и положение их определялось характером местности. Некоторые «были спрямлены, а другие, как дома поставлены». Большая часть улиц вела от сполья к реке. Переулки соединяли улицы и площади.

В переписях 1564, 1648, 1710, 1730 гг. упоминаются улицы почти с одними и теми же наименованиями. Переписчики иногда указывают, какие общественные здания на той или иной улице и кто живет на них. Упоминаются улицы: Потаниха, Пятницкая, Никольская, Шелковая, Пономариха, Семенцова, Ивановская, Водяная, Базаиха, Каменная, Кишкин ручей, переулок Оширин. Упоминаются и две большие площади: Торговая и Благовещенская.

Перепись 1730 г. делит все жилые здания на шесть категорий: дворы, дворишки, дворенки, кельи, кельишки и избенки. Зданий в посаде в это время насчитывалось 659. Преобладали дворы — жилые дома с хозяйственными по-

стройками. Но немало было и кельишек и избенок. Все жилые здания были деревянные.

Среди жилых зданий располагались и общественные: «двор комендантский с трех горницами на жилых подклетах, двор мирской для приезда воеводского и гонцов», дворы монастырские, изба приказная, изба земская, где выборные посадские люди и волостные старосты решали земские дела; изба таможенная, табачная и духовных дел, в которой решались дела церковные и монастырские; лавки и гостиный двор на улице Ивановской. На Торговой площади, где шла оживленная купля-продажа, стоял кружечный двор, или питейное заведение. На кружечном дворе можно было отметить удачную сделку, можно было и забыться при неудаче. Общественные здания, даже гостиный двор, как и жилые, были деревянными, строились скученно.

Переписи выделяют из общей массы населения крепости и посада ремесленных людей: каменщиков, кирпичников, плотников, кузнецов, медников, столяров, маляров, серебряников. Поименно перечисляются строители: «плотник Комос Полуектов с Ивановской улицы», «кузнец Некрас Федотов, Родька Семенов», «в городе в Проходной улице каменщик Дмитрий Булатов 50 лет, жена, да пять детей», «кирпичник Онуфрий Ошмеринов».

Среди жилых и административных построек, среди складов, сараев, важен, мельниц и скорнячных были возведены на площадях изумляющие взгляд ансамбли храмовых зданий, простоявших века. И возвели их местные мастера из местных материалов по своему разумению.

Были в жизни Каргополя и мрачные дела, злодеяния и преступления.

Каргопольская крепость на протяжении долгого перио-

да использовалась как тюрьма для заключения многочисленных политических противников московского правительства, которых, с его точки зрения, следовало надежно изолировать.

В начале XIII в. в поселении на озере Лаче отбывал ссылку Даниил Заточник. Отсюда он и направил свое «Послание» или «Моление» князю переяславскому Ярославу Всеволодовичу. В 1379 г. во время битвы с татарами при реке Воже русские «изымали попа русского, от Орды пришедшего и обретоша у него мех лютого зелья» послали «в заточенье на Лач-озеро, в Каргополь». В Каргополь ссылались также татарские ханы, плененные при Иванах III и IV, разведенные жены Ивана Грозного, неудачливые военачальники. В 1558 г. был сюда сослан Курлятьев, воевода Московского войска, сражавшегося против Литвы. Здесь в 1587 г. по приказу Бориса Годунова был удушен князь Андрей Шуйский.

В 1607 г. в Каргопольскую крепость был сослан, заточен в Пытальную башню, пытан, изувечен, ослеплен, а затем утоплен Иван Болотников, один из вождей крестьян, восставших против феодального гнета.

Много борцов против гнета, за правду погибло в Пытальной башне, а имена их «ты веси, господи».

Царское правительство использовало Каргополь вплоть до 1917 г. как место политической ссылки. В период с 1903 по 1912 г. сюда были высланы 112 человек как «политически неблагонадежные».

ПЛАНИРОВКА ГОРОДА И ЕГО АРХИТЕКТУРА

Богата каргопольщина строительными материалами, и особо ценен «белый камень». Из него сложены массивные, гладкие стены величественных каргопольских храмов, из него руки мастеров каменносечного дела создали тонкие детали декоративной обработки этих стен.

Белый камень устоял при пожарах, многократно уничтожавших отдельные кварталы Каргополя. Каргопольские хроники донесли до нас сведения о пожарах 1515, 1552, 1612, 1619, 1731, 1765 гг., во время которых выгорало более половины городских построек. Но белый камень устоял.

Период экономического расцвета Каргополя в XVI — XVII вв., период широких, идущих по многим руслуам связей экономических, политических и культурных с различными областями Московского государства, отразился в планировке и монументальной архитектуре города. Ансамбль каргопольских построек складывался веками. Эти изумительные храмовые строения сочетают элементы северного деревянного и новгородского, ростовского и московского каменного зодчества.

В наши дни Каргополь рассматривается как город-музей, в котором сохранились памятники, отразившие уровень культуры нашего народа в XV — XVIII вв.

Обследования архитектурных памятников Каргополя производились неоднократно. Документы о них Каргопольский архив подбирал в 1875 г. по просьбе Олонецкого статистического комитета, который в 1876 г. подготовил для Академии художеств подробный список старинных зданий Олонецкой губернии с описанием их и указанием времени их постройки. Список составлялся в связи с поручением Президиума Академии академику, архитектору Л. В. Далю обследовать и описать памятники церковной архитектуры губернии. В 1914 г. по поручению Московского археологического общества описание памятников Каргополя составил член его Б. И. Дунаев и по поручению Московского археологического института обследовал их С. Н. Дурылин. В 1925 г. обследования проводили Вологодский музей и Вологодское общество изучения Северного края. В 1946 г. обмеры и описания некоторых церквей проводили студенты Московского архитектурного института и отдел архитектуры Архангельского облисполкома. В 1948 — 1950 гг. постройки Каргополя были обследованы Государственным историческим музеем. В настоящее время ремонтно-консервационные работы в городе проводит Архангельская научно-реставрационная мастерская.

Мы, по-видимому, никогда не узнаем, по каким планам строился Каргополь в XV — XVII вв., так как предполагается, что они сгорели. Наиболее ранний из сохранившихся планов датирован 1726 г. Он предусматривал расположение улиц по строго линейной системе. Этим вносился порядок в старую застройку, обеспечивалась возможность борьбы с пожарами — бичом старых деревянных городов. В плане ярко отразилась классовая

структура общества. В центре города имели право строить дома только дворяне, духовенство и купцы. Ремесленникам и рабочим места для стройки отводились на окраинах города, их избышки не должны были портить его вид. Но план 1726 г. не был осуществлен.

В 1731 г. Каргополь сильно пострадал от пожара, после чего, по-видимому, частично восстанавливался по плану 1726 г. В 1765 г. грандиозный пожар снова уничтожил две трети всех построек. Выгорели или частично пострадали почти все постройки центра города на Торговой площади.

Город необходимо было отстраивать заново. В 1767 г. была утверждена «Комиссия о построении города Каргополя после пожара». Комиссия приняла новый план города, утвержденный еще в 1766 г., и порядок его восстановления. Но и этот план полностью не был выполнен.

В 1782 г. был разработан еще один план восстановления города, который также полностью не был осуществлен.

Средства на восстановление казенных, общественных и церковных зданий частично были отпущены из государственного казначейства, частично собирались «от добродетельных жертвователей по пригласительным листам». На церковные здания, кроме того, дополнительно были отпущены суммы из средств епархиального управления.

В XIX в. для Каргополя еще три раза составлялись генеральные планы: в 1841, 1846 и 1854 гг. Упоминается и «новый» план 1895 г. Все эти планы в основном повторяют план 1766 г., намечая дополнительно расчистить город от обветшавших зданий, деревянных церквей и крепостных сооружений. Город после пожаров рос медленно: количество дворов по плану 1841 г. — 497, по плану же 1854 г. — 538.

По планам мы можем представить облик Каргополя

XVII — XIX вв., отстраиваемого после пожаров, и последовательность, в какой возводились возобновляемые постройки. Вновь город застраивался кварталами, разделенными прямолинейными «регулярными» улицами. Каждая сохраняла прежнее наименование, некоторые из них остались неизменными и до наших дней. Дома, главным образом, деревянные, одноэтажные возводились «по линии и в один горизонт». Административные и общественные здания сосредоточивались на Торговой площади. Промышленные предприятия выносились за город или на его окраины.

По берегам Онеги возводились новые каменные церкви. Они группировались на ограниченной площади, не нарушая планировки и сложившегося общего архитектурного ее облика, около старых, уцелевших от пожаров каменных церквей XVI в. Возвышаясь на фоне пленительно скромного северного пейзажа среди одноэтажных зданий, они создавали сказочно-выразительный силуэт, поразительный для такого небольшого города.

Многие из этих зданий не раз горели, но затем снова отстраивались. Или же в сохранившихся стенах вновь «ставили» престолы того же имени и вновь возводили над ними купола. Здания оживали с несколько видоизмененными деталями.

Гражданских зданий каменных в начале XIX в. было мало — это Гостиный двор, три административных и три жилых дома.

В настоящее время основные сохранившиеся ансамбли размещены на двух площадях: Советской, бывшей Торговой или Базарной, и Красноармейской, бывшей Благовещенской.

Советская площадь — это центр современного Каргополя. Формирование на площади центрального городского ансамбля длилось почти триста пятьдесят лет. Когда появи-

лись первые постройки, установить трудно. Можно лишь предполагать, что деревянные жилые строения возникли здесь в XIV—XV вв., так как уже к первой половине XVI в. здесь были возведены две деревянные церкви: Предтеченская — в 1531 г. и Введенская — в 1554 г. А в 1562 г. был построен каменный собор Рождества Иисуса Христа, известный под наименованием Христорожественского. Церкви в старых русских городах обычно ставились в наиболее населенных, а следовательно, и уже освоенных районах.

Деревянные церкви до нас не сохранились: они сгорели в 1731 г. Но каменный Христорожественский собор уцелел.

В 1751 г. на месте сгоревшей Предтеченской церкви была построена каменная того же наименования.

При пожаре 1765 г. вновь пострадали все церкви, стоящие на площади. Утраты города были так велики, что пришлось создать специальную «Комиссию о построении г. Каргополя после пожара». Уже в те времена учитывалось историческое значение каргопольских архитектурных памятников. По решению комиссии, а главное, по настоянию каргополов, восстанавливались все поврежденные пожаром каменные здания, а кроме того, близ собора была начата постройка каменной колокольни взамен сгоревшей деревянной.

В 1767 г. близ Предтеченской церкви была возведена Входаиерусалимская церковь.

В 1804 г. в восточной части площади вдоль реки на месте не раз горевшего и наконец сгоревшего в 1765 г. деревянного был построен каменный Гостиный двор, который не сохранился.

В 1808 г. на месте сгоревшей в 1731 г. деревянной церкви Введения была возведена последняя на площади крупная каменная постройка — церковь того же наимено-

вания. Строительство ансамбля, единого по замыслу, несмотря на разновременность, соразмерного и торжественного, было закончено.

В настоящее время, после разрушения Входиерусалимской церкви и Гостиного двора, ансамбль несколько нарушен. Веками создаваемая целостность утрачена.

Вторая группа культовых зданий, исключительных по замыслу декоративной обработки и по мастерству исполнения, расположена к юго-западу от центральной Советской площади на бывшей Благовещенской, а теперь Красноармейской площади.

В переписных книгах середины XVI и начала XVII в. на этой площади упоминаются две деревянные церкви — Никольская и Пятницкая. В 1653 г. на месте разобранной Пятницкой была построена деревянная пятиглавая Владимирская церковь. Близ этих церквей, Никольской и Владимирской, и сложились две группы храмовых построек.

В 1680 г. недалеко от Владимирской возводится каменная Рождественская церковь.

В 1692 г. к юго-западу от Рождественской, недалеко от Никольской, возводится каменная Благовещенская церковь. Между этой церковью и Никольской была поставлена колокольня, на которой звоны той и другой.

К группе построек на Благовещенской площади примыкает церковь Воскресения, упоминаемая в переписных книгах 1730 г.

Отдельную группу составляли две Святодуховские церкви на территории женского монастыря и Вознесенская с колокольней между ними.

Южный конец города замыкает огромная Троицкая церковь, поставленная в 1790 г., а северный — Зосимо-Савватиевская, построенная в 1814 (1819?) г. Обе они

возведены на местах старых «расчищенных» церквей.

Великие безымянные зодчие, искусные каменщики, кирпичники, резчики, плотники, кузнецы и литейщики создали несказанную красоту каргопольской каменной летописи. Она охраняется Советским государством. Девять памятников архитектуры: Христорождественский собор, церкви Предтеченская, Введенская, Благовещенская, Рождественская, Воскресенская, Зосимо-Савватиевская, Троицкая, колокольня состоят на учете Комитета по охране памятников при Министерстве культуры.

Кто же создал каменные постройки Каргополя в XVI, XVII, XVIII вв., чьи руки возводили их? Ни один из документов, известных нам, не отвечает на этот вопрос хотя бы с приблизительной точностью. Архивы сохранили лишь некоторые следы косвенных свидетельств об участниках строек. Будем надеяться, что какие-либо документы найдутся в дальнейшем, надо искать их.

Безвестных мастеров деревянного зодчества, создавших на Севере многочисленные и, при всей простоте художественных средств и приемов, совершенные по замыслу и красоте церкви, церквушки, часовни и бытовые постройки, было немало. Многовековые строительные традиции «древodelей», запасы дерева, сравнительная легкость его обработки, наличие давно освоенного топора, трезуба, долотья, напарья да оборотенки, казалось, препятствовали проникновению на Двину и Поморье московских образцов сложного каменного строительства, требовавшего новой техники и разнообразных строительных материалов. Но развитие в XV в. в Москве элементов общерусской архитектуры и создание в XV—XVI вв. в камне изумляющих образцов ее, вызванных к жизни новыми задачами, стоящими перед Московским государством, неизбежно

должно было найти отражение в архитектуре областей, хотя и окраинных, но неразрывно связанных с центром экономически и политически.

Многочисленные постройки из камня и кирпича на нашем Севере начинают возводить в XVI в. Каменные крепостные стены, храмы, колокольни и трапезные Соловецкого монастыря, являющегося и мощной крепостью на Белом море, Николокарельского — в устье Двины и Сийского — на Двине были возведены во второй половине XVI и в первой XVII в. Все эти грандиозные стройки, выполненные в короткие сроки, свидетельствуют не только об участии опытных мастеров — «нарядчиков», руководивших работами, но и о наличии многих сотен непосредственных исполнителей — стенщиков и каменщиков. Подавляющее число их должно было быть из местных жителей, учившихся на стройках каменному делу.

Наиболее ранние каргопольские каменные строения были возведены также в середине и во второй половине XVI в. В это же время количество каменных строек в Каргополе и Вологде возрастает, обширный размах приобретает строительство в Устюге Великом.

Невозможно предполагать, чтобы эти стройки, также требовавшие огромного количества рабочих, были делом рук только пришлых мастеров, славившихся знатоками каменного дела. К каменному строительству в этих городах должны были «приобывать» и древодел.

Москва в XVI и XVII вв. также усиленно строилась и к работе привлекала не только москвичей, но и «всех окрест людей каменного дела». Каменный приказ в Москве был создан при Борисе Годунове не ранее 1584 г., следовательно, «сыск» строителей и отправка их на окраинные стройки в XVI в. не были еще организованы так, как это имело место в XVII в. Кроме того, каргопольские церкви возводились на средства прихожан, поэтому они

не могли рассчитывать на присылку строителей по государеву указу.

На Севере на монастырских и церковных стройках воспитывались новые местные мастера, каменщики и резчики. Руководителями и воспитателями их, судя по архитектурным формам строек, были московские, ростовские и владимирские, а в Поморье, как говорят предания, и псковские мастера. Известна на Севере была слава строителей Солигалича; возможно, и они принимали участие в стройках.

Игумены всех трех крупнейших северных монастырей, возводивших соборы, напоминавшие крепостные сооружения, трапезные, занимавшие площади в сотни квадратных метров, монашеские кельи с тайниками и ходами в стенах, в хозяйственной жизни были тесно связаны не только с Москвой, Подвиньем, Приволжьем, но сохраняли и былые связи с Новгородом и Псковом. Поэтому весьма возможно, что руководители и часть исполнителей строек приглашались ими из различных мест. Каргополь же был тесно связан экономически со всеми тремя монастырями.

Имена строителей всех северных монастырских твердынь так же, как имена строителей деревянных шатров Подвинья, остались неизвестными, за исключением имени монаха Трифона, строителя Соловецкой крепостной стены, башен, казематов и тюрем. Неизвестны имена и строителей каргопольских церквей XVI в. Облик же храмовых строек XVII и XVIII вв. указывает на то, что они были «обложены», как и церкви Вологды и Сии, с московских и владимирских образцов.

О том, что в начале XVII в. в Каргополе были свои строители каргополю, свидетельствует ряд документов того времени. Грамота 1630 г. говорит о посылке в распоряжение Московского каменного приказа и приказа тайных дел 16 каменщиков и кирпичников из города Кар-

гополя и 13 таких же специалистов из его уезда. В «Летописи занятий Археографической комиссии» опубликована вторая грамота 1630 г. о привлечении кирпичников и каменщиков из Каргополя и Чердыни для работ в Москве, «о сыске рабочих на посаде и в уезде». Позднее, во второй половине XVII в., каргопольские каменщики работали на стройках в имениях царя Алексея Михайловича, в частности в Измайловском, а также в Архангельске на постройке Гостиных дворов, в Сийском монастыре, в Новгороде.

«Дело каменносечной хитрости» в XVII в. было освоено северянами.

В начале XVIII в., в связи со строительством Петербурга, запросы на каргопольских «мастеровых людей» возрастают. По указам Петра I в Петербург направляют кирпичников, резчиков по камню, плотников, фонарщиков «на вечное житье с женами и детьми». Одним из указов требуется выслать в Петербург 55 мастеровых людей, «но из них трех натурою, а за остальных по 50 рублей за каждого, да на жалованье и хлеб по 22 рубля». Суммы по тем временам огромные.

Мастера были необходимы и в Каргополе, и в Петербурге. За оставление их в родном крае расплачивались дорого. Мастеров ценили, переписи уважительно называют их полным именем.

Постройки XVI в. в Каргополе, по-видимому, как и постройки в других городах, «заводили» без чертежей в современном понимании, по избранному образцу по плану либо «на глаз». Постройки XVIII в. имеют чертежи, но не все из них разысканы. Относительно же возведения и ремонта храмовых зданий в XIX в. имеются подробные указания в «Правилах для руководства при постройке и ремонте церквей» (1855 г.). Этими правилами руководствовались и в Каргополе.

Что же известно об архитектурных памятниках Каргополя?

Знатки каргопольской старины считали наиболее ранней каменной храмовой постройкой не сохранившуюся до наших дней невысокую одноэтажную одноглавую, первоначально холодную, а затем утепленную церковь Сошествия святого духа. Она была построена в XVI в. в северо-западной части города. Упоминается она как «старая церковь» в «Переписных книгах 1710 года переписчика Степана Хвостова Каргополя посаду». Церковь значилась одноглавой еще в переписи 1864 г., но затем она была перекрыта и количество глав на ней было увеличено до пяти. Эти перестройки и дали основание Ф. К. Докучаеву-Баскову считать Святодуховскую зимнюю церковь постройкой сравнительно новой.

Среди сохранившихся в Каргополе каменных храмов Христорожественский собор наиболее ранней постройки. Собор упоминается, но без описания в «Переписной книге переписчика и коменданта Степана Иванова Хвостова» за 1730 г. При пожаре 1731 г. собор не пострадал, но в пожар 1765 г. он сильно обгорел. При этом, по-видимому, сгорела вся документация, относящаяся ко времени его постройки и характеризующая перестройки его в период с половины XVII до конца XVIII в.

Постройка собора была закончена в 1562 году. В «Описи имущества собора за 1801 год» свидетельствуется, что здание до пожара стояло двести три года, а после пожара без крыши и глав пять лет. Следовательно, к восстановлению собора приступили в 1770 г. Отстраивали его почти восемь лет, вторично его освятили 12 июня 1778 года.

Восстановление собора, как и его постройка, было произведено «тщанием прихожан». Строительство на частные средства и добровольные пожертвования, без сомнения,

является также одной из причин отсутствия документации стройки.

Архитектурный облик собора отразил характерные черты русского каменного зодчества второй половины XVI в. Как и его современник, Софийский собор в Вологде, каргопольский Христорождественский собор отличается монументальностью, массивностью, простотой и выразительностью четких форм. Его внешний облик после восстановления несколько отличается от первоначального, благодаря пристройке двух приделов. Возможно также, что четырехскатная крыша заменила первоначальное перекрытие по закомарам. Отдельные детали собора в его первоначальном виде приходится восстанавливать на основании документов (описаний и планов) более позднего времени путем сопоставлений и аналогий. В 1837 г. были сняты копии сохранившихся планов церковей собора, но они не разысканы.

Собор двухэтажный, в каждом этаже по церкви, первый этаж теплый, обогреваемый печами, второй холодный. Здание возведено из тесаного белого камня в форме монолитного четырехгранника, несколько удлиненного с востока на запад; его венчают пять глав. Барабаны всех глав первоначально были глухие, но в 1837 г. «в главе прорезаны окончины». Четыре каменных столба внутри как в первом, так и во втором этаже разделяют каждый храм на три части, в трапезной еще два столба. Наружные стены соответственно этому трехчастному делению расчленены простыми лопатками также на три части. Лопатки соединены рельефным узорным карнизом, высеченным по камню. Над карнизом гладкая стена уходит под обшивку свеса кровли.

Восточная стена собора заканчивается соответственно трем престолом каждой церкви тремя полукруглыми двухэтажными алтарными абсидами. К центральной части за-

падной стены примыкает низкая, но двухэтажная паперть. На паперть вели два хода: один через несколько вынесенное крыльцо и висячую лестницу на паперть холодной церкви, во второй этаж собора; второй — через второе крыльцо на паперть теплой церкви в первом этаже. Из того и другого этажа паперти входы в церковь шли через большие западные двери. Паперть, крыльца и лестница после восстановления собора многократно ремонтировались, камень заменялся кирпичом. При ремонтах вносились значительные переделки, изменяющие их облик.

Стены собора прорезаны двойным рядом окон. По форме и площади они различны, расположены в нишах, без убранства.

За четырехвековую жизнь собор осел, да и культурный слой на площади вырос, поднялся. Окна первого этажа поэтому почти на одном уровне с поверхностью площади, а пол церкви в первом этаже ниже поверхности площади. Церковная служба в церкви первого этажа не совершалась с 1869 г.

Стены собора укреплены контрфорсами, которые были сложены также из камня и покрыты деревянной обшивкой. Угловые контрфорсы идут почти до верха стен. Повидимому, эти контрфорсы, а также небольшие у входов были сложены или при постройке здания, или несколько позже, но во всяком случае до пожара 1765 г. К такому заключению приводит расположение приделов, при строительстве которых приходилось принаравливать к уже возведенным ранее частям здания. Контрфорсы у алтаря более позднего происхождения. В документах собора, начиная с 1801 г., упоминаются многократные ремонты, иногда значительные, с затратой многих тысяч штук кирпича, «старых быков, упоров и стеновых столбов, приделанных в подкрепление церковной стены». Но ни в одном из них не упоминается об их возведении. Упоры у алтаря,

по-видимому, были возведены при восстановлении собора после пожара, они ни в одном документе не именуется «старыми».

Контрфорсы нарушают четкость архитектурных форм храма. Они подтверждают предположение относительно того, что строители собора еще только «приобыкали», еще не были искушены во всех хитростях каменной кладки грандиозных сооружений. В то же время они говорят о том, как оберегали и ценили каргопольцы это суровое здание, воздвигнутое «тщанием самих прихожан» — здание, которое в периоды грозной военной опасности могло стать крепостью и надежной защитой от врага.

При восстановлении собора в 1770—1778 гг. к нему снаружи были пристроены два придела, по одному на северной и южной стенах. Внутренние входы в эти приделы были пробиты в стенах собора из приделов, расположенных внутри главного здания. Эти пристройки мельчат первоначальный строгий облик собора.

Приделы по архитектурным формам неоднородны. Северный состоит из трех частей, различных по высоте, кроме того, к нему пристроено наружное крыльцо с двумя подъемами, ведущими на площадку, от которой перпендикулярно стене собора идет короткая галерея к входу в придел. Первоначально подъемы и галерея были открытыми. Это крыльцо было пристроено несколько позднее, чем корпус придела. В «Книге для записи расходов денежных средств по сбору» имеется приписка, указывающая на то, что крыльцо было «приставлено» в 1778 г., после окончания ремонта здания.

Постройка крыльца-галереи давала возможность войти в придел с Торговой площади, не проходя через соборную церковь. В приделе была организована торговля восковыми свечами. Склад свечей был устроен под крыльцом. Право торговли свечами было закреплено за

собором, и прочие церкви Каргополя могли приобретать их только у него. Продажа свечей была одной из статей дохода.

Южный придел одночастный, он не имеет крыльца и наружного входа.

Стены приделов украшены резьбой. Окна полуциркульные, обработка их, как и стен, изящна и выдержанна, не нарушает строгого характера здания, но несколько смягчает его. На каждом приделе по одной небольшой главе.

Свет проникал во внутреннее помещение собора через небольшие окна в нишах. В храме был полумрак. Слабо поблескивали золоченые, потемневшие от времени иконостасы, царские врата. Четырехъярусный иконостас отделял алтарь, иконостасы были и на каждой стороне четырех столбов и на стенах. Искусные резчики покрыли тонко вырезанными выющимися ветвями виноградной лозы врата трех престолов главного храма, сень над вратами, промежутки между рядами икон. Резными были столбцы у врат, столбцы и карнизы иконостасов на столбах, ограждения двух клиросов.

По углам столбов, поверх иконостасов и над алтарным иконостасом были поставлены резные крылатые херувимы. Фигуры не повторяли одна другую, каждой было придано свое, особое положение.

Перед иконами лампы на цепях, подсвечники кованые и литые, железные и медные. Славился Каргополь своими фонарщиками, мастерамиковки и литья. Выписывали их и в Новгород, и в Петербург.

Лики на многочисленных потемневших иконах, больших и малых, псковского, новгородского, поморского и строгановского письма были суровы. Письма не скрывались, икон под ризами было мало.

Шитые и по холсту и по заморским тканям, крашеным

суровьем, шелками и серебром покровы на аналоях, на плащенице вносили тепло и свежесть.

Воспоминание о храме оставалось неизгладимым, суровая прелесть его очаровывала. Вложенный в создание его труд вызывал удивление.

На одной площади с Христорождественским собором, в 30 метрах к северу от него, стоит небольшая церковь Введения во храм пресвятые богородицы. Первое документальное упоминание о ней встречается в «Описи Каргопольского Христорождественского собора всего церковного имущества за 1801 г.: «Вторая церковь каменная одножирная, неосвященная, назначена во имя пресвятые богородицы честнаго ее введения». В описи церковного имущества за 1827 г. сообщается, что церковь построена на средства прихожан в 1802 г.

Церковное здание каменное, крестообразное, одноэтажное, четырехстолпное, с трапезой и папертью, теплое, с печами в алтаре и в храме. Церковь одноглавая, барабан восьмиугольного купола первоначально был деревянный, глава обита «чешуей», т. е. лемехом. Крыша первоначально была крыта тесом. Под церковью пять кладовых, которые сдавались в аренду «по 6 рублей в год за каждую». Длина здания 12 сажений, ширина 5,5 сажений, т. е. 25,5 и 11,6 метра. Высота стен средней части почти 15 метров, остальных — около 9 метров.

За время своего существования здание сохранило первоначальный облик. В 1889 г. деревянный барабан купола был разобран «до каменной кладки и вновь устроен без всякого изменения».

Внутренние перестройки связывались с устройством придела. В «Описи за 1869 год» сообщается: «ныне устроится другой придел в честь Казанской иконы божьей матери».

Документация этой церкви сохранилась почти полно-

стью. Она хранится в фондах Архангельского областного государственного архива.

Близ Христорождественского собора, на месте сгоревшей в 1731 г. деревянной церкви, в 1751 г. были построены две каменные, получившие наименование Предтеченских. Одна из них холодная, без отопления, одноэтажная, в форме массивного куба. Стены ее гладкие, узкий узорный карниз уходит под свес крыши. Три ряда окон без убранства прорезают ее высокие стены, и каждый ряд их отличается особой формой проемов. Венчают церковь пять глав на мощных барабанах. Центральный, возвышающийся над другими, световой, прорезан довольно широкими окончинами, остальные четыре барабана глухие. Форма глав этой церкви несколько необычна: на низком реповидном куполе возвышается второй низкий барабан, на котором покоится небольшая глава луковичной формы.

Вторая церковь одноглавая, двухэтажная. Эта церковь не сохранилась.

Облик сохранившейся Предтеченской церкви прекрасно гармонирует с более древним Христорождественским собором.

До пожара 1765 г. Христорождественский собор имел деревянную колокольню, «один звон», т. е. общую с Предтеченскими церквями. Колокольня сгорела, о ней сохранились только упоминания в ряде документов.

Каменная колокольня, построенная в 1767 г., в некоторых документах называется «колокольней при Введенской церкви», или «колокольней Предтеченской церкви». Точнее, эта колокольня обслуживала все четыре церкви: Христорождественский собор, Введенскую и две Предтеченских. У каждой церкви были на ней свои колокола, а «в звонах десять колоколов медных», шесть из них соборных. Все весили 240 пудов.

Колокольня двухэтажная проезжая, на четырех высо-

ких арках, поставленных на квадратный цоколь. Стены в этажах также прорезаны арками. Верх покрыт куполом со шпилем, заканчивающимся маленькой главкой с деревянным крестом. Купол, шпиль, главка и крест были покрыты железом, а карнизы между этажами тесом. В 1856 г. ураган сорвал крест, и на главку был поставлен крест железный, обитый медью, золоченый «через огонь». Высота колокольни 53 метра.

Колокольня многократно ремонтировалась, и мелкие детали ее изменялись.

С колокольни видны отдаленные селения, летом широкие зеленые просторы, зимой снежные равнины и где-то вдали синеющие леса.

В юго-западной части Каргополя, на Красноармейской площади, бывшей Благовещенской, стоит пятиглавая церковь, именовавшаяся в списках епархиального управления Олонецкой губернии церковью Рождества богородицы, Владимирского прихода. Среди прихожан она была известна под именем Пятницкой и Владимирской. Под наименованием церкви «Владимирской божьей матери» ее ошибочно упоминает И. Грабарь. Под этим же наименованием она значится и в некоторых документах Архангельского областного исторического архива.

Здание церкви Рождества богородицы сложено из камня на каменном цоколе, строители братья Степан и Андрей Пометяевы. Строилось оно с 1678 по 1682 г., почти четыре года. В плане здание крестообразное. Первоначально оно состояло из пяти частей: главного престольного храма Рождества богородицы, двух боковых приделов на северной и южной стенах трапезной и паперти. Деревянная колокольня стояла отдельно. Соответственно трем престолом храм имеет три алтарные абсиды, по одной на восточных стенах главного храма и стенах двух приделов. Абсиды одночастные, полукружиями, занима-

ют по ширине всю стену, к которой примыкают, и несколько вытянуты. При постройке не было выполнено указание митрополита Корнилия «...и алтари сделать круглые тройные». Трехчастные абсиды не соответствовали бы малым размерам храма. Художественный вкус строителей не обманул и заставил отказаться от выполнения митрополичьего указания.

Наиболее высокий престольный храм. Высота стен приделов и паперти одинакова, а высота стен трапезной соответствует высоте стен алтарей приделов. Высота стен алтаря престольного храма также достигает лишь половины высоты его стен. Соотношения высот различных частей здания выдержаны так, чтобы создать гармоничный переход их от одной к другой. Все стены храма без членений. Угловые соединения всех частей здания усилены полуколоннами.

В описях церковей Каргополя за 1864 г. церковь описана как одноглавая, с двумя главами над приделами. Следовательно, первоначально она была одноглавая. Когда поставлены остальные четыре главы, точно не установлено.

Главы церкви луковичные, покрыты железом, покоятся на высоких стройных цилиндрических барабанах, из которых световой только барабан центральной главы. Остальные барабаны — глухие.

Стены храма прорезаны окнами различной величины и формы: четырехугольными, вытянутыми по высоте, и небольшими полуциркульными.

Каменная колокольня над папертью была построена в 1844 г. «иждивением каргопольских купцов братьев Ивана и Андрея Насоновых». Ввиду большой архитектурной ценности храма, отмеченной уже в то время, постройка колокольни могла быть начата только после «высочайшего утверждения ее чертежей». Для создания колокольни на крыше паперти были возведены так называемые «зво-

ны». Это четыре арки, соединенные между собой под углом, они перекрыты плоской крышей, над которой высится цилиндрический световой барабан, имеющий слегка сплюснутый купол. Подножье барабана окружено кокошниками. Размеры храма: длина 9 сажень, ширина 8 сажень, высота наибольшая 8 сажень (соответственно 19, 18 и 18 метров).

Храм Рождества богородицы является замечательным примером декоративного убранства стен каменных зданий. Мастера каменносечного дела создали на гладких стенах сложные узоры из кирпича и камня. Широкий пояс чеканного многообразного узорочья идет по верху стен каждой части здания, и каждая стена украшена на особицу. Выделяются узоры пояса главного престола. Красоту этих узоров дополняет яркая белизна стен и игра светотени на них. Стены блещут, тени на них переливаются.

Окна разнообразной формы, и обработаны они каждое по-своему. По бокам их поднимаются полуколонки сложной лепки, они несут фронтоны, кокошники и коруны. Декор их И. Грабарь называет «изумительным».

У порталов по сторонам ряды таких же полуколонок, заканчивающихся сложным карнизом, на который опираются полукружия узорных валиков. Мастерство народных зодчих, их выдумка и чувство меры были оценены современниками. Храм получил наименование «Предивный».

Храм Благовещения пресвяты богородицы — второе замечательное здание на бывшей Благовещенской площади. Он построен в 1692 г. из белых тесаных плит, с папертью, двухэтажный, пятиглавый, с тремя алтарными абсидами на восточной стене. В каждом этаже по три придела.

Здание поражает мощностью стен простой конструк-

ции, строгими формами алтарных абсид, великолепно рассчитанными пропорциями окон, прорезанных в три ряда, и их расположением. Декоративные украшения стен и окон разработаны с исключительным вкусом, они изысканны и своеобразно сочетаются с суровостью глади стен.

И. Грабарь сравнивает это здание по изысканности пропорций и вкусу «с дворцами раннего Флорентийского возрождения». Он считает его «наиболее совершенным образцом «московского дела».

Бисерные узоры, тонкая и затейливая детализировка их не пестрят и не мельчат массив здания, они подчеркивают строгость, логичность и соразмерность его форм. Особой выдержанностью, художественным достоинством и в то же время блеском отличается обработка восточной стены, к которой примыкают три полукружия алтарных абсид. Белый узор на белой стене, рассчитанная светотень создают изумляющий наряд.

У мастера были ограниченные возможности: однообразный, одноцветный материал, простейший инструмент своей выделки, но у него было мастерство, воспитанное вековой культурой и традициями талантливой народа.

В престольном храме были резные золоченые царские врата (алтарные двери), копия которых была в Пречистенском храме.

На этой же площади стоит каменный одноэтажный пятиглавый соборный храм Воскресения Христа. На восточной стене — три невысокие алтарные абсиды. Точная дата постройки храма не установлена, но он уже упоминается как «старый» в «Переписных книгах» начала XVIII в. Возможно, он современник Христорождественского собора. И. Грабарь отмечает, что храм «в большом родстве с Московским Успенским собором». После пожара 1765 г. здание было перестроено. Теперь оно

состоит из двух церквей: холодной одноэтажной и теплой, связанной с колокольней.

Стены расчленены лопатками, на северной и южной сторонах на три части, а на восточной и западной на четыре. В связи с этим расчленением крыша перекрыта по закомарам (волнистое перекрытие).

Стены украшены рельефной резьбой. Украшения поясом идут по верху стен, над ними возвышаются закомары, на которых нет убранства.

Окна и двери в глубоких нишах. Оконные проемы и порталы украшены резными валиками.

Большие главы — на массивных барабанах. Центральный из них прорезан окнами, четыре — глухие. На лицевой стороне барабанов, а на центральном между окнами — рельефные украшения в виде арок.

В главном престоле были резные царские врата и резной иконостас, выполненные с большим мастерством и вкусом. Над иконостасом резаные из дерева фигуры ангелов. Кроме икон, в храме были скульптуры божьей матери и Николая мирликийского, покровителя моряков. Последнее изображение напоминает нам о бывалых плаваниях каргопольцев по морю Белому и за море.

Последняя каменная культовая постройка — это Зосимо-Савватиевская церковь, она построена в 1819 (1814?) году. Здание каменное, двухэтажное. По архитектурным формам и стилю это здание отличается от древних храмов Каргополя. На нем отразились влияния петербургских строек.

Каргопольские белокаменные храмы — яркие выразители русской национальной архитектуры.

Кроме культовых, в Каргополе строились каменные общественные и частные жилые здания, но их было мало. По городской переписи в 1788 г. таких зданий было только три, в 1849 г. число их увеличилось до семи, а

в 1891 г. до одиннадцати. Предполагается, что здание, в котором размещался райисполком, построено по проекту архитектора Захарова, строителя Адмиралтейства в Ленинграде. Но это предположение до сих пор не подтверждено.

В 1804 г. вдоль реки на Торговой площади, на месте сгоревшего в 1765 г. деревянного гостиного двора, был построен каменный. Торговые помещения были обнесены крытой арочной галереей. В здании имелось 76 торговых помещений, расположенных в двух этажах. В начале прошлого века все торговые помещения были заняты, их не хватало. Во внутреннем дворе возводились дополнительные деревянные постройки — лавки. Но уже через 50 лет торговля производилась в 20 помещениях, а еще через десять лет только 15 купцов выразили желание арендовать торговые помещения. Гостиный двор ветшал, его не ремонтировали, и впоследствии здание было разобрано за ветхостью.

ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО НА КАРГОПОЛЬЩИНЕ

Каргополь был и остался единственным городом на обширной территории Каргопольщины. Городское население в прошлом было малочисленным и в течение многовеко-

вой жизни Каргополя редко превышало 3—4 тысячи. Только летом его население временно увеличивалось. Наезжали скупщики и продавцы соли, рыбы, сала, мехов, железа, икон, поделок из дерева, женских рукоделий и книг. Временно оседали паломники, группами направлявшиеся в Соловецкий монастырь или возвращавшиеся от туда.

Основное население Каргополя составляли крестьяне, главным образом чернососшные. Они сидели на государственных землях и за право обработки ее несли тягло, платили подати и выполняли различные повинности. Характерной повинностью для крестьян-каргопольцев была ломка белого камня и выработка из него «тесанин» или лещади, т. е. тесаных плит. Тесаный камень в XVI—XVII вв. поставляли в Москву, в Вологду и Устюг на царевы стройки, а позднее, в XVIII в., и на стройки Петербурга. Второй повинностью, которую в XVIII в. несли крестьяне Севера, была работа на корабельных верфях в Петербурге и Архангельске. Петр I в письме Апраксину указывал «не наряжать каргопольцев» нести повинности на стройках, но «употреблять к корабельной работе», для которой требовались плотники особо искусные, настоящие мастера своего дела.

Чернососшные крестьяне не знали крепостного закабаления, тяжким гнетом лежавшего на крестьянах средней и южной России. Крепостные платили помещику оброки натурой, а с чернососшных крестьян государство взимало подати деньгами.

Основное занятие крестьян Каргополя было земледелие. В селениях, отстоящих далеко от торговых дорог, на протяжении многих веков, вплоть до XX в., землю обрабатывали сохой-косулей да бороной из еловых сучьев. Переход на борону с зубьями в конце XIX в. был подлинным техническим прогрессом. Первыми восприняли

новинку крестьяне придорожных сел. Урожаи все же оставались низкими.

Скота было мало, при недостатке удобрений и низкой урожайности, при необходимости платить денежную подать крестьяне были вынуждены развивать промыслы и ремесла и продавать продукты своего труда.

Естественно, в крае, где изобиловал лес, издавна начали развиваться промыслы, связанные с лесом. Рубка и сплав леса первоначально производились для своих нужд, а затем, с ростом потребления, и для удовлетворения спроса. С лесом же были связаны и такие промыслы, как охота, главным образом на белку и рябчика, сбор грибов, знаменитых рыжиков, смоло- и дегтекурение.

Древесина — материал податливый. Крестьянин быстро научился использовать ее не только для построек, но и для выделки всевозможных щепных и берестяных изделий, саней, санок, чунок. Отправляясь зимой на многодневные рыбные промыслы, рыбаки все пожитки и припасы укладывали в чунки, вместительные и удобные санки со спинкой и боковыми стенками. Славились каргопольские чунки!

На лесных промыслах выростали знатоки леса, познавшие тайны древесины: ее прочность, пластичность. Были разработаны многие варианты ее обработки. Дерево в руках мастеров, крестьян не только Каргополя, но и всего Севера, стало строительным материалом, позволившим создать совершенные формы деревянного зодчества, поражающие целесообразностью, красотой и выдумкой. Крестьяне-зодчие выработали строительные приемы, подсказанные жизненным опытом, суровыми зимами, снежными заносами, ветрами, вешними половодьями, рассчитанные только на топор, нож, долото да скобель. Выработали они и терминологию, образно характеризующую элемен-

ты здания и приемы его сооружения. Стопа, сруб, прируб, клеть, тес, венец, шатер, в обло, в лапу, пятистенка — каждое из этих слов раскрывает замысел строителя и способ, избранный для выполнения задуманного. Такие термины как сруб, прируб, тес свидетельствуют, что топор был основным орудием плотника. Он вырубал им бревна, тесал доски, создавал все узорочье строения. Для того, чтобы получить доску, плотник с помощью клиньев расщеплял бревно вдоль на пластины, а затем каждую пластину с той и другой стороны обтесывал топором «в гладь». Немалый был труд. А резьба по дереву? Она требовала зоркого глаза, точной и сильной руки.

Все меньше и меньше остается старых деревянных построек — жилых, хозяйственных и культовых: часть их уничтожена временем, часть погибла в результате нашего невнимания к труду и творчеству предшествующих поколений.

Каргопольские села в большинстве невелики. Они расположены вдоль рек и ручьев, у озер и дорог, следуя их изгибам. Места для расселения всегда выбраны удачно. Это обычно косогор, вокруг летом зеленые, а зимой снежные просторы, вдали болотце и обязательно лес: темные, мрачноватые ельники, «сосен звонкие вершины» и милая береза. Все просто, ясно и спокойно. Этот пейзаж научил строителя видеть и ценить простоту и четкость форм, их соразмерность и строгость, что свойственно для северных строений.

В каргопольских старинных селах дома обычно расположены главным фасадом к дороге, но встречается размещение их и фасадом к реке, полям. Беспорядочное и скученное размещение домов обычно встречается в старых, многовековых деревнях, в которых постройки возводились из поколения в поколение по традиции «на отчем месте». Такое расселение встречается в селе Ошевенском, в дерев-

нях Большой и Малой Халуи, в Марковской, Тихманге, Юркино и др.

Для каргопольских сел характерна четырехстенная бревенчатая постройка на высоком подклете и с высоким, тоже бревенчатым, фронтоном. Она возводилась двухъярусной, или, по старым документам, двухъярусной, т. е. в два яруса. В верхнем ярусе размещалось жилье, а нижний использовался для хранения продуктов и других хозяйственных надобностей. Окна в таких домах прорубались по четыре, по шесть в один ряд. В некоторых домах обеспеченных семей в нижнем ярусе устраивалось зимнее жилое помещение—«зимница» или «подизбица», и окна прорубались в два ряда. Светелка в этих домах обычно отсутствовала, ее заменял балкон, соединенный дверью с чердаком.

Постройка складывалась из венцов, т. е. из бревен, соединенных концами в форме четырехугольника. Способы соединения были различные. Широко был распространен способ, называвшийся «в обло». Это древнерусское выражение значило «по-округлому». При этом способе в параллельно уложенных на определенном расстоянии друг от друга бревнах первого венца, несколько отступя от концов их, вырубались полукруглые углубления, в которые под прямым углом закладывалась вторая пара бревен венца так, чтобы концы их выдвигались за пределы углубления и были перпендикулярны концам первой пары бревен. С первым венцом связывался второй: вырубались полукруглые углубления во второй паре бревен первого венца, в которые закладывалась первая пара второго венца. Так рубили венец за венцом, и каждый всей тяжестью своей вплотную ложился на предыдущий. Вырастал сруб, углы его развертывались веером.

При втором способе соединения бревен и венцов, названном «в лапу» или «в зуб», концы бревен вырубались

лись так, чтобы они схватывались друг с другом как бы зубьями или лапами. У венцов, срубленных «в лапу», выпускных концов нет, углы сруба гладкие.

Бревна с наружной стороны здания не обтесывались, но с внутренней все выступы бревен «выскабливались в лас» до получения гладкой стены. В углах бревна оставались круглыми для того, чтобы углы не промерзали.

Кровля над четырехстенным зданием обычно двускатная тесовая с большими свесами над торцовыми и над боковыми стенами. Свесы защищают бревенчатые стены от атмосферных осадков, от сырости. Тес покрыт по следам-бревнам, концы которых врублены в бревна фронтонов торцовых стен, и по пересекающим их жердям-«курицам», или, как их называют в некоторых местах Каргополя, «кукурюгам». Верхний конец каждой тесины упирается в коньковую или князевую слегу, врубленную в вершину фронтонов, а нижний — в поток или водомет, как называют желоб для отвода воды. Поток лежит на загнутых вверх «курицах». На коньке кровли верхние концы тесин зажимает охлупень — бревно с вырубкой, которым покрыта коньковая слега. Такая кровля выдерживает натиск северных ветров и тяжесть снегов, дождевые воды стекают с нее потоками.

Вековой опыт северянина отражен в каждой детали кровли. Характерны кровли в деревнях Хотеново, Село, Халуи, Ширияха, Гарь, Рядчино и др. Всю стройку здесь «справляли» топором, все части здания соединяли вырубкой, лишь иногда применяя деревянные костыли. Гвоздя не знали до XX века.

Здание получалось прочным, долговечным. Труда на него затрачивалось немало, его возводили не только на свой век, но и для сынов, внуков, а может быть, и правнуков.

Зимы на Севере суровые, с заносами и глубокими

Ансамбль Советской площади. Вид с реки.

Остатки городского вала «Валушки».

Общий вид г. Каргополя.

Памятник землякам, погибшим в боях
за Советскую Родину. 1941—1945 гг-

Средняя школа № 3.

Новое административное здание.

снегами, поэтому жилую часть дома здесь обычно ставят под общую кровлю с двором, т. е. с помещениями для скота, хранения хозяйственных орудий, запасов. Двор располагается сзади жилого помещения по продольной оси здания. Хлев находится в нижнем дворе, а над ним обширная рубленая поветь — хранилище сена, жердей, здесь же пристройки-кладовушки для припасов, одежды и всего прочего. С улицы на поветь ведет наружный пологий бревенчатый въезд, его называют различно: ввоз, взвоз или звоз. По нему на поветь могут въезжать возы с сеном. Вход на поветь со взвоза закрывают широкие ворота с кольцами-стукальцами.

Вход в каргопольский деревенский дом чаще внутренний, наружные лестницы и крыльца встречаются реже. Вход ведет в сени, из которых можно пройти в избу, горницу, горенку, на поветь и в хлев. Устройство жилья обычное: изба, в некоторых деревнях ее называют горницей, расположена в передней части постройки, она имеет окна в передней и боковых стенах; горенка расположена за избой или горницей и освещается окнами в боковой стене. Горница обычно делится на две части перегородкой-заборкой. В избе у глухой стены, недалеко от входа, возвышается чело к окнам большая, но не достигающая потолка кирпичная или глинобитная печь с лежанками, выступами, с нишами-печурами и подпечьем.

Характерной чертой крестьянских домов Каргополя, как и многих других районов Севера, являются наружные украшения. Дома украшают резные причёлины, висячие доски по краю ската кровли над фронтоном, ветренницы — тоже резные доски, прикрывающие стыки причёлин, перила балконов, оконные наличники, ставни и косяки дверей. Сложность резного узора зависела от мастерства исполнителя-резчика, от его выдумки. Стандарта не существовало.

На некоторых конструктивных деталях здания вырезались фигурные украшения, например, на конце охлупня, венчающего здание, — голова коня, птицы или красивый, плавный завиток. Резные фигуры заканчивали и концы бревен, поддерживающих свесы кровли. Встречаются и расписанные красками дома. Росписи украшают внутреннюю сторону свесов кровли, наличники, ставни, ворота. Мотивы разнообразны: тут и орнамент, и цветы, и солнечные лучи, и львы, и петухи. Расписные свесы кровли сохранились в деревнях Ширяха, Климово, Бор.

Старые дома украшены более просто, обычно только резными причёлинами и фигурами на охлупне и бревнах под свесами. К середине XIX в. украшения заметно усложняются, в них сказывается влияние города. Во внутренних жилых помещениях дома украшения обычно отсутствуют, лишь кое-где можно встретить роспись по деревянной обшивке низа печи. Заботились о том, чтобы жильё было удобное, теплое и уютное.

Часовни и церкви — наиболее старые деревянные постройки Каргополья. Многие из них сохранили до наших дней свой первоначальный облик, в котором ярко отразились художественные народные традиции, слагавшиеся в течение столетий и четко выкристаллизовавшиеся 400—500 лет назад.

Возможно, строители первых деревянных культовых зданий в Каргополье возводили их, вспоминая те, которые они знали на родине до ухода на Север. По облику они были просты и близки к жилым постройкам. Со временем строители совершенствовали и усложняли церковные здания, но никогда не отходили от конструкций и приемов, уже разработанных крестьянином при строительстве своего жилья.

В Каргополье в прошлом часовни или церкви возводились почти в каждом крупном селении. Часть их сохранилась до наших дней, часть несохранившихся известна по старым описаниям.

Архитектурные формы были разнообразны и иногда поражающе причудливы. Первыми культовыми постройками были, по-видимому, часовни, рубленные из бревен, четырехстенные, маленькие, низкие, напоминающие амбарчик или баньку, с небольшой пристройкой для входа на западной стене. Кровля такой часовенки двускатная, на князьке ее поставлен крест или маковка — маленькая главка.

Со временем форма постройки усложнялась, так как должна была чем-то отличаться от жилища человека. В селах начали возводить тоже небольшие, но уже восьмистенные, или восьмиугольные часовни, рубленные, как и жилые дома, в обло. Кровля у такой часовни была на восемь скатов, низеньким шатром. В летописях и в церковных документах XV—XVII вв. их называли круглыми, или восьмериками. И. Грабарь, выясняя, как могла возникнуть такая форма, предполагает, что «...восьмерик и был той деревянной формой, в которой плотнику хотелось передать впечатление круглого купола».

Четырехугольные церкви, покрытые на два ската, в летописях и церковных документах называются клетскими. Клетская церковь — наиболее древняя из дошедших до наших дней. Эта постройка состоит из трех основных частей: центральной четырехстенной клетки для молящихся и двух прирубов, к восточной стене для алтаря и к западной для сеней, притвора или трапезной. Кровля на два ската, на ней глава на шее. Первоначально постройку возводили непосредственно на земле, или, по старинному выражению, «на пошве». Со временем опыт подсказал необходимость поднять все ее части на подклети. В связи с этим потре-

бовалось на западном прирубке добавить высокое крыльцо. Его строили с рундуком, т. е. с площадкой, крытой и со всех сторон забранной стенками с прорезанными окнами. На площадку с улицы вела лестница, часто крытая. С площадки по второй лестнице поднимались в храм. Были крыльца и с двумя наружными лестницами. Эти крыльца особенно живописны. Кровля оставалась двускатной, иногда очень высокой.

Во многих постройках сени и притвор заменяла трапезная. Это — обширное, обычно низкое помещение, примыкавшее к центральной части храма. Трапезная имела окна и отоплялась, в ней можно было укрыться от стужи и дождя в ожидании церковной службы. Здесь же устраивались общие трапезы в дни поминовения усопших, в кануны праздников. В трапезной же собирались сельские сходы для решения различных мирских и приходских дел.

Трапезная отделялась от центральной части храма стеной с прорубленной широкой дверью. У стен стояли широкие лавки, обшитые по низу узорными досками. На стенах полки с книгами. Потолок часто подпирали резными деревянными столбами. Такие столбы, резанные крупными бусинами, с узорчатым пояском между ними, были в трапезной церкви села Павловского близ Каргополя, построенной в начале XVIII в.

Стремясь создать храм «преукрашенный», выделяющийся обликом среди бытовых зданий, строители разработали иную форму покрытия центральной части здания и колокольни. На севере уже строили часовенки с восьмериковым срубом и низкой шатровой кровлей. Эта форма покрытия и была использована, но шатер взлетел ввысь, соответственно высоте центральной части здания, которую стали рубить иначе: или восьмериком, или на четверике возводили второй сруб, но уже восьмериковый.

Причем, восьмерик был более пригоден для поддержания шатра из восьми скатов.

Шатровые церкви строились значительно выше клетских и больше их по объему. Шатрами покрывались и колокольни.

Шатер, устремленный ввысь, крытый тесом, увенчанный главой на короткой шее, был главным украшением здания. Силуэт шатра гармонировал с силуэтами близких и далеких елей, но он четко выделялся среди них чистотой линии, серебристым блеском лемеха, покрывающего шею и главу, и высотой, доходившей до 40 метров. Дополнительными украшениями являлись бочкообразные перекрытия на алтарных абсидах. Такие же бочки, но не несущие функции перекрытия, так называемые теремки, ставились на четырех гранях восьмерика, стоящего на четверике, на углах последнего. Они скрашивали суровую простоту бревенчатого храма. Колокольни также украшались теремками. Шатровые церкви XVII в. сохранились в селах Красная Ляга, Макарьинское на реке Коже, Солунино, Малая Шалга, Лядины. В последнем погосте воздвигнут комплекс построек: шатровая церковь с шатровой колокольней и тринадцатиглавый храм восьмерик на четверике.

Официальные церковные власти запрещали возводить шатры над храмами, они требовали пятиглавия. Но шатер — глубоко национальная форма, простая и рациональная, выработанная народными зодчими, была близка и понятна народу, гармонировала с окружающей северной природой.

Возведение шатров продолжалось и в XVIII в. Пример тому — шатровая церковь в селе Павловском. Но строились и кубоватые многоглавые здания.

ДРЕВНЯЯ КАРГОПОЛЬСКАЯ ЖИВОПИСЬ

Среди произведений древнерусской живописи, завоевавших широкую и заслуженную известность, есть и произведения, созданные в Каргопольском крае. Это иконы XV—XVI вв.

Иконопись — искусство средневековое. Оно развилось в период господства религиозного мировоззрения, когда творчество художника, скульптора, поэта почти всегда воплощалось в религиозной форме. Искусство средневековья обуславливалось требованиями церкви, которые определяли и круг сюжетов, и композицию произведения, и даже его колорит.

В то же время каждое произведение подлинного искусства невольно, вопреки канонам и схемам, всегда отражает мысли и чувства создателя, его собственные представления и представления его современников об окружающем мире, о красоте, правде и людских взаимоотношениях. Это закон творчества.

Средневековые иконы как произведения искусства являлись мощным средством воздействия на чувства, мысли и представления человека, а также и способом выражения идей. Они далеки от нас по времени и мировоззре-

нию художника, но ярко выражают художественный вкус народа, его нравственные представления, его одаренность.

Древнерусское иконописание развивалось в крупных художественных центрах: в Киеве, Владимире, Суздале, Новгороде и Пскове. Культурные связи Севера в XIV—XV вв. были многообразны, сюда доходили отголоски и новгородской и ростовской жизни, но наиболее тесно он был связан с Новгородом, который славился в ту эпоху как крупнейший культурный центр Руси. В Новгороде в это время уже выросла своя, новгородская школа живописи. Север принимал новгородские приемы живописи, но не считал их нерушимым каноном: они перерабатывались здесь на основе местных культурных традиций. Так создавались ветви живописной школы Новгорода: двинская, вологодская, устюжская. Считается, что каргопольская живопись близка к вологодской.

Каргопольские иконы написаны на досках липовых и сосновых. Для того, чтобы доска не коробилась, на стороне ее, оборотной по отношению к живописи, врезалась шпонка, т. е. полоса того же дерева, но поперек доски. На доску натягивали и крепили клеем «паволоку», льняной холст, который затем покрывали слоем «левкаса» из извести и клея. Иногда левкас наносили непосредственно на доску. По сухому левкасу прочерчивали углем или мелом контуры изображаемого. Писали икону яичной темперой, которую готовили из красок, растертых с яичным желтком. Краски были местного происхождения, в основном земляные: цветные глины, окислы железа, гипсы, а также сажа. Широко использовались и растительные краски. Набор красок, которые можно было приготовить из этого сырья, был невелик: охра или вохра, кубовые, зелень, белила, чернь. Некоторые краски, например киноварь и бакан, каргопольцы получали, возможно, из Новгорода и Пскова. Не исключена возможность приобретения

их и в Коле, где бывал большой торг всевозможными товарами Поморья и иноземными.

Написанную икону после того, как высохнут краски, покрывали олифой, которую втирали в красочный слой. Олифа предохраняла краски от сырости и усиливала их цвет и блеск. Но олифа была и виновницей потемнения иконы со временем.

Художники-иконописцы при ограниченных возможностях палитры должны были и умели создавать гармоничные сочетания цветовых пятен, умели выдержать цветовой тон, соответствующий содержанию, вложенному в произведение.

Имена художников-каргопольцев, за редким исключением, не сохранились. Они упоминаются лишь в немногих документах. Так, автор жития Кирилла Челмогорского (XVII в.) называет себя «иерей изограф». В переписи 1690 г. значится «иконописец Иван Степанов», есть упоминания и о иконописцах «Симеон именем с сыном Иваном», в документах XVII в. упоминается Иван Баженин. Творцами икон были и горожане, и крестьяне, и служители церкви. Писали иконы и в городе, и в селах.

Предполагается, что в XV в. в Каргополе уже существовала мастерская, обеспечивающая церкви края иконами, царскими вратами и утварью.

Некоторые произведения живописи, найденные в крае, были созданы в Новгороде, Пскове и Сольвычегодске.

Живописные произведения каргопольцев хранятся в музеях Москвы, Ленинграда, Киева, Вологды, Архангельска и Каргополя. Из Каргополя были вывезены «Снятие со креста» и «Положение во гроб»—произведения XV в., поразительные по трагической силе чувства, человечности, яркости образов, красоте рисунка и цвета. На первом из них с большой силой и болью передано страдание человека и внутренний протест окружающих против преступле-

ния, а на второй — скорбь матери, прильнувшей к лицу убитого сына.

По манере письма, композиции, реалистичности и цвету оба произведения характерны для новгородской школы живописи. Размер каждой иконы 91X62 см. Они хранятся в Государственной Третьяковской галерее.

Предполагается, что в Каргополе тоже в XV в. были созданы и «Усекновение главы», «Тайная вечеря». Эти произведения, как и два первых, отличаются простотой, в них нет ничего лишнего, образы и сцены конкретны и выразительны, цвета чистые, созвучные, яркие и в то же время нежные. Иконы хранятся в Государственном музее в Киеве.

Если предание о происхождении этих четырех икон из Каргополя подтвердится, будет доказано «...насколько разветвленным искусством была русская иконопись в XV в., когда даже в глубокой провинции возникали первоклассные произведения, которые мы причисляем теперь к шедеврам древнерусской живописи» (В. Н. Лазарев. История русского искусства, т. II, 1954, стр. 268. 269).

Множество произведений неизвестных художников хранилось в сельских церквях, часовнях, крестьянских домах. Часть их вывезена в музеи, часть безвозвратно утрачена, часть осталась на местах. Не все эти иконы одинаковы по своему художественному значению, сюжеты их и рисунок зачастую наивны, цвета однообразны и приглушены, но они отражают интересы труженика.

На одной из икон художник изображает Николу — покровителя корабельщиков, рыбаков и плотников: вот он поднимает паруса, тянет сети, несет улов. На другой иконе изображены Фрол и Лавр — главные охранители лошадей, этих незаменимых помощников и земледельца, и дровосека, и торговца. Часто встречается изображение

Власия — защитника коров и овец. Это изображение особенно чтили женщины. Была у женщины и еще одна помощница во всех ее делах — Параскева, родовспомогательница и покровительница младенцев.

Иконы «покровителей» были в церквах деревень Малая Шалга, Лядины, Ошевенское, Волосово, Бор, Село. Теперь их можно видеть в музеях Архангельска и Каргополя.

Особое значение имеет икона XVIII в. «Борис и Глеб у града Каргополя». В центре этой иконы изображен пожар Каргопольской крепости. Местный иконописец Тихомиров воспроизвел крепостные стены, башни и постройки древнейшей части города.

Художественный вкус и мастерство проявляли каргопольские художники в росписях царских врат в церквах. Такие расписанные врата из деревни Лядино хранятся в Ленинграде в Эрмитаже.

В каргопольской иконописи ярко сказались народные художественные традиции, они и определили ее своеобразие. Северная иконопись — это самобытное большое искусство, не подчиняющееся условным канонам.

В Каргополе сохранились и бытуют прекрасные образцы растительного орнамента, который северные художники наносили в виде рамки на края икон, вводили в заставки и концовки книг, в роспись венцов сосудов, поверхностей хозяйственной утвари. Он применялся и в узорах вышивки. Орнамент был и многоцветным, и выполнялся в одном, главном образе, черном цвете. Мотивы орнамента разнообразны, они сохранялись на протяжении веков, изменялась только степень усложненности и выразительности рисунка. В орнаменте встречаются цветы фантастические и простенькие четырехлепестковые, деревья, птицы, сложные переплетения трав и линий, завитки и розетки.

Каргопольскую живопись собирали и изучали экспедиции музея им. И. Грабаря (ГЦХРМ), Эрмитажа, Третьяковской галереи и Архангельского музея изобразительных искусств.

КАРГОПОЛЬСКАЯ РУКОПИСНАЯ КНИГА

Каргополье издавна было краем грамотеев. Первые рукописные книги принесли на озеро Лаче и на реку Онегу основатели пустынек. Они несли с собой из Новгорода и Ростова, из Пскова и Владимира громоздкие церковные книги, без которых не могли править службу. Пустыни со временем разрослись в монастыри как в Каргополе, так и в его окрестностях. Они стали рассадниками грамотности в крае.

Церковь очень активно стремилась искоренить религиозные представления, связанные с родовым строем, с почитанием духов предков, олицетворением природы,— распространенные еще в XIV—XVI вв. среди коренного, да и пришлого населения края. Для этого монастыри строили часовни, затем храмы, монахи писали иконы, распространяли грамоту и книги: псалтырь, часослов, служебник.

О пережитках архиепископ новгородский Макарий писал Ивану Грозному «...всякой твари поклоняхуся яко богу и жертву приношаху кровную».

Первоначально грамотеи в монастырях только переписывали богослужбные книги и распространяли их по вновь возникающим часовням и церквям. Но этого было недостаточно. Читателям требовались произведения более понятные, чем богослужбные книги, и более близкие к жизни. Возникла потребность в литературных произведениях.

Уже в XVII в. начинают появляться произведения житийного характера. В начале второй половины XVII в. стали переписывать и распространять «Житие Кирилла Челмогорского», с именем которого связано основание Кириллочелмогорской пустыни в 40 км от Каргополя. Появилось житие Александра Ошевенского, основателя мужского Ошевенского монастыря.

Житие — это не биография, а назидательное поучение в рамках биографии. В житиях описывается много событий, действительно происходивших, лиц и чудес. Житийная литература имела большой успех, произведения переписывались по заказу в монастырях, а также и самими любителями чтения для себя лично.

Бумагу для книг можно было приобрести у торговых людей, бывавших в Новгороде, Москве и даже в заморских краях. Можно было купить ее в Ферапонтовом монастыре на Белоозере, в Вологде. Во второй половине XVI в. английские купцы привозили бумагу в Холмогоры и Архангельск.

В XVI в. в России употреблялась главным образом итальянская, французская и польская бумага, затем появилась голландская. На такой заморской бумаге написаны церковные книги в XVI и XVII вв., найденные в Каргополье. Русская бумага вытеснила иностранную в

XVIII в. Бумага была тряпичная, очень стойкая, она сохранялась веками.

Писали книги полууставом, особым почерком, который распространился в конце XV в. и сохранялся до XVIII в. Печатные книги не сразу вытеснили рукописные.

Писали гусиным пером. Чернила приготавливали сами. Книги украшали орнаментом. Перед началом главы вырисовывали во всю ширину страницы заставки, а в конце текста небольшие концовки, заглавные буквы в начале главы писали или тоже вырисовывали красной краской. Узоры были и геометрические и растительные. Книгу стремились сделать нарядной.

Для сохранности книгу переплетали, «крыли» ее досками, которые обтягивали кожей. К переплетам прикрепляли кожаные завязки или застёжки. Иногда переплеты украшали «жуковинами» — металлическими гвоздями с головками и бляхами.

Книги дорого стоили, их ценили и берегли, передавали по наследству, давали в приданое невесте. Хранили их на отдельных полках, в подголовниках и сундуках.

В конце XVII в. на реке Выг старообрядцы, укрываясь от гонений, основали сеть келий, раскинувшихся на десятки километров. Здесь, за лесами и болотами, в 1694 г. братья Андрей и Семен Денисовы основали знаменитую Выговскую пустынь. Кроме мужской обители, была организована в Лексне и женская, руководить которой стала сестра Денисовых Соломонида. Выгорецкие мастерицы создали много предметов прикладного искусства.

Среди жителей обители было немало грамотных, они занялись перепиской книг, обучением неграмотных членов обители, а затем и всех желающих и, наконец, организовали обучение грамоте детей («начаша... молодых детей обоего полу учаху грамоте»).

Школа была редким явлением в Каргополье, поэтому желающих отдать своих детей в Выговскую школу было много. Кроме грамоты, в пустыни можно было обучиться иконописи, прикладному искусству, медному делу и рукоделиям. Влияние Выговского общежития было велико и распространилось по Поморью, Обонежью, Каргопольскому краю и даже Подвинью. Поэтому неудивительно, что среди книг, собранных в Каргополье различными лицами и экспедициями и описанных при участии П. М. Строева, И. П. Срезневского, А. Е. Викторова, В. Г. Дружинина — знатоков старого письма, книг и документов, встречаются и старообрядческие произведения. Собранные книги хранятся в крупнейших книгохранилищах нашей родины: в библиотеках Академии наук, им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, им. В. И. Ленина в Москве, встречаются и в частных собраниях.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Север издавна рассматривается как сокровищница старой славянской культуры. Она проникла на Север с потоком пришельцев из Новгорода и Ростова в XI—XIII вв., а затем из Москвы и других районов в XIV—XV вв., не

утратила здесь национальных особенностей, но дополнительно приобрела свои выразительные северные черты.

Условия жизни на Севере в далеком прошлом способствовали выявлению художественных сил народа, так как здесь отсутствовала постоянная угроза внешней опасности, здесь не давило татарское иго, здесь крестьянин не знал личной зависимости от помещика и крепостного гнета в тех формах, какие существовали там, где было развито помещичье землевладение. И наконец, природа Севера сурова, для обеспечения существования человек здесь трудился в тяжелых, сложных и зачастую в опасных условиях.

В то же время сюда шли вести первоначально о татарском нашествии, несущем гибель людям и разгромы, опустошения, пожарища городов и сел, позже стали доходить вести и о другой кабале — тяжелой жизни крепостного. Все это оказывало сильнейшее воздействие на укрепление национального самосознания и становления характера северянина.

Своеобразие северной культуры нашло яркое выражение в художественном творчестве народа, при этом не только в архитектуре и живописи, но и в производстве бытовых вещей, украшающих повседневную жизнь человека.

Произведения народного творчества служат ценным источником для изучения прошлого. Они не только вскрывают представления человека об окружающем мире, отражают характерные черты быта, свидетельствуют об уровне культуры, но и помогают проследить исторические процессы, такие, как развитие деревенского ремесла, отрыв в связи с этим процессом крестьянина от патриархального земледелия и развитие кустарных промыслов. Народное творчество ярко проявилось в устройстве

жилья, в предметах домашнего обихода, одежде, украшениях и женских рукоделиях.

В жилых помещениях каргопольских изб, как и в избах других районов Севера, привлекает внимание большая печь, которую обычно называют русской печью. Массивная, она занимает иногда до четвертой части площади жилого помещения, но соразмерность ее частей и высота продуманы и рассчитаны. Простым линиям корпуса печи и дымохода, шестка и конника, опечек и печур придана плавность, каждая деталь ее целесообразна и практически оправдана. Печь не загромождает помещения, но придает ему уют. Только мастер, чувствующий ритм переходов частей и линий, может сложить такую печь. Иногда печь украшают или тесаные доски, закрывающие ее нижнюю часть до свода подпечья, или доски резные, со сквозным узором, по боковому краю шестка. Изредка встречается роспись дощатого покрытия.

Мебель в избах обычно очень проста: в красном углу тяжелый стол с массивной столешницей и толстыми ножками, иногда украшенными резными поясками, простые скамьи по стенам и табуреты, или в последнее время стулья. Деревянные кровати встречаются все реже, их заменяют металлические. Главная красота этой обстановки — соразмерность и форма.

В Каргополье была развита выделка деревянной хозяйственной утвари. «Складывали» кадки, ушаты, бочки, бочонки. Эта крупная утварь не украшалась, но соответствие высоты вещи ее диаметру — это неписанный закон.

Иное дело мелкая хозяйственная утварь, долблено-резная и точеная. Долблено-резная посуда появилась раньше точеной, для выработки последней был необходим токарный станок. В наши дни выработка этой своеобразной деревянной посуды отмирает. Только в некоторых деревнях можно еще встретить знающих это ремесло. Весь про-

цесс получения долблено-резной посуды осуществляется вручную. Из корня или прикорневой части дерева, или из наплыва (капа) вырубает первооснову или заготовку, затем теслом выбирают глубину сосуда, выравнивают намеченную форму скобелем, обрабатывают ее окончательно ножом и зачищают пучком жесткого травянистого растения; применяют хвощ, осоку, крупное сено и пр. Таким способом изготавливают ковши, наливки, скопкари, черпаки, ночевки, ложки, енды, братины, солоницы. Все делается на глаз, и это зоркий глаз художника.

Ковши и скопкари вырезают различной величины. Большие ковши употребляют для насыпания муки, зерна, поменьше — для питья, маленькие ковши-наливки для разлива жидкостей. Скопкари — это небольшие сосуды для питья, они ладьевидной формы с двумя ручками, употребляются также для питья енды и братины, которые рассчитаны на семью или гостьбу, в каждую можно налить не один литр квасу или пива.

Ручкам ковша и скопкаря придавали форму головы птицы, причудливого завитка, развертывали в виде птичьего хвоста, покрывали их прорезью. По венцу наносили резьбу или роспись. Так же украшали братины, енды, у последних много внимания уделяли форме носка: был бы не только разливист, но и красив, и замысловат. Много времени требовалось для того, чтобы выдолбить и вырезать вручную какую-либо посудину. Резка и роспись деревянной круглой ложки состоит из 24 операций. Вырезать ковш или енду было сложнее.

Постепенно ряд ручных операций стали заменять вытачиванием на примитивном самодельном токарном станке. Вытачивали чашки, миски, блюда. Работа пошла быстрее, больше оставалось времени для украшения посуды, она стала разнообразнее и сложнее.

Отличную хозяйственную утварь делали из луба: лу-

кошки, хлебницы, коробейки. Эти вещи украшали преимущественно растительным орнаментом, роспись вели в два цвета — желтый и красный, рисунок имел четкий контур, его обводили черной краской.

Много выдумки вложено в резьбу катка для белья. Катки заменяли современный утюг. Валек катка должен ровно идти под скалкой, а нарезка скалки не должна ни мять, ни рвать одежды. Скалка тяжелая, поэтому ручку ее вырезали особенно тщательно, чтобы она не выскользнула из руки, но и не была тяжела. Резьба на поверхности скалки обычно богатая. Катки служили десятилетия.

В Каргополье было развито ткачество. Для получения льняной и шерстяной нити необходимы были прялка и веретено, для тканья кросна — ткацкий стан. Все эти предметы были из дерева. Прялки вырезали из корневища или прикорневой части ели. Лопаску, т. е. вертикальную широкую часть прялки, на которой мотовузом — тканой тесьмой — закрепляют кудель или шерсть, украшали по верху резьбой в виде теремков, а всю ее поверхность расписывали и украшали резьбой, но не прорезью.

Вырезать веретено — большое искусство: резчик или токарь должен придать ему такую форму, при которой веретено на весу занимает строго вертикальное положение. А резчик еще украшал веретено резными желобками и поясками. Веретена берегли, они сохранились у многих каргополок.

Широко были распространены и сохранились в быту берестяные изделия: туеса, плетеные заспинные кошельки и пестери, коробка и коробейки. Плели из бересты и солоницы.

Художественны женские рукоделия северянки: вышивка, ткачество и вязание. Первые два вида рукоделий постепенно отмирают, утрачиваются узоры, забываются

способы выполнения. А когда-то говорили: «Ошевенское — матка вышивки». Вязанье же по-прежнему широко распространено.

Вышивкой украшали концы полотенец, подола рубаш, сарафанов, юбок, намышники, фартуки. Узоры выводили по памяти, каждый имел название: «елки», «пальцы», «частухи», «зайцы», «курушки» и другие. Особые названия были и у способов выполнения вышивки, но в разных деревнях один и тот же способ называли иногда различно. Наиболее древний способ — двустороннее шитье, его называли «досюльным» или «досельным». При этом шитье узор выполнялся и на лицевой и на оборотной стороне. Шили его без пяльцев, «на руках» красными нитками по ниткам холста. От вышивальщицы требовался точный расчет узора. Он обычно состоял из нескольких параллельных рядов.

«Набор» — тоже старинный двусторонний цветной шов, состоящий из групп параллельно наложенных стежков, образующих квадратики, полоски, лесенки.

Швы «досюльный» и «набором» глухие, без прорезей, по холсту.

В пялах вышивали белыми нитками «по перевити» или «по намету», настилом или строчкой. Каждый способ требовал предварительной подготовки холста, выдергивания нитей основы и утка в определенной последовательности. По полученной сетке, перевитой нитками, «вели» узор. Обычно вышивальщица вводила в узор дополнительные, свои, детали или разнообразила способ заполнения ячеек сетки.

Мотивы вышивок разнообразны: фигура женщины в различных сочетаниях с растениями и животными, птицы, звери, звезды, цветы. В двусторонней вышивке набором преобладает геометрический узор.

Женщины ткали холсты простые и браные, т. е. узорчатые. Узор создавали путем различного переплетения нитей основы и утка. Для получения четкого узора, например, на концах полотенец, брали для утка нить более толстую, чем нить основы.

Повсеместно было развито ткачество пестряди различных узоров и расцветок. В рисунке преобладали варианты клетки. Из шерсти ткали одеяла, юбки, настилы на скамьи и сундуки, пояса (первый подарок невесты жениху — тканый пояс), кушаки, праздничные половики. Узкие половики сшивали, получали ковер. Из шерсти вязали мужские рубахи для работ в лесу, на рыбной ловле, на охоте, рукавицы и чулки. В горницах и в наши дни часто ходят без обуви, только в шерстяных чулках.

В феврале 1924 г. в Каргополе была организована выставка «Местное творчество», на которой были представлены женские рукоделия. Многие экспонаты отличались высокой техникой исполнения, благородством рисунка и колорита.

Наличие местной железной руды (болотной) обеспечило в свое время развитие производства таких изделий, как фасонные кольца-стукальцы для наружных дверей, различной формы светцы для держания лучины, фонари с замысловатыми украшениями из закрученных полосок железа. Каргопольцы достигли большого мастерства в изготовлении их, об этом свидетельствует указ Петра I о высылке из Каргополя в Петербург фонарников «на вечное житье с женами и детьми».

Широко известна каргопольская деревянная игрушка, отличающаяся разнообразием сюжетов, занимательностью и отличной отделкой. Сюжеты отражают мир, окружающий и резчика и детей, для которых игрушка и предназ-

начена. В сюжет для занимательности часто вносилась и доля фантастики.

Игрушки были неподвижные и движущиеся. Неподвижные игрушки — это фигуры животных: медведь с клюшкой, лиса, конь, овца, курочки или орудия производства: топорики, молотки. Распространена была игрушечная посуда: ковшички и скопкарики, мисочки и чашки, а также катки для белья (валек и скалка), т. е. вся домашняя утварь.

Сюжеты движущихся игрушек были менее разнообразны. Распространеннее других была игрушка «медведь и кузнец», по очереди ударяющие молотом по наковальне. Этот сюжет характерен для Каргополья, где в прошлом водилось немало медведей и где во многих деревнях было распространено кузнечное мастерство. Хороша была игрушка зайцы, бьющие передними лапками, а также кубари — деревянные волчки, запускаемые с помощью шнура.

Некоторые игрушки требовали от резчика большого мастерства, терпения и тонкого вкуса, например, птица (в разных деревнях ее именовали различно: голубь, сирин, курушка) с крыльями и хвостом, распущенными в виде веера, или ажурные шары из мелких планочек, затейливо сцепленных между собой «в зуб».

Такие игрушки подвешивали в горницах под потолком.

Деревянные игрушки обычно не окрашивали.

Делали игрушки из соломы: сумки, кошелки, замысловатые фонарики, напоминающие елочные украшения.

Распространена была и глиняная игрушка: свистульки в виде петушка со свистом простым или трелью, маленькие фигурки животных. Эти игрушки покрывались ангобом или побелом и ярко раскрашивались. Линии и формы их были упрощены, но достаточно выразительны. Более крупные фигуры: женщина в сарафане, мужчина в

поддевке или рубахе на выпуск, кони, олени, петухи; фантастичные птицы были грубее по пластике и расцветке. Следует отметить, что игрушки начала XX в., и особенно современные, по форме более архаичны, чем игрушки XIX в. Отделка современной глиняной игрушки выполнена менее тщательно, расцветка часто резко контрастна.

Орнаментика глиняных игрушек традиционна и отражает представления, корнями уходящие в глубь веков.

ГОРОД КАРГОПОЛЬ В НАШИ ДНИ

Каргопольский район — один из передовых в Архангельской области. Население его 29 тысяч человек. В районе создано многоотраслевое, технически оснащенное сельское хозяйство, организовано семь совхозов и четыре колхоза. Посевная площадь составляет около 37 тысяч гектаров. На удобренных землях выращиваются зерновые культуры, лен, овощи, картофель. Огромные площади — 22 тыс. гектаров — заняты кормовыми, силосными культурами и многолетними травами. Обширная кормовая база обеспечивает разведение крупного рогатого скота, которого в настоящее время насчитывается 19 тысяч голов, в том числе около 11 тысяч дойных коров.

Созданы промышленные предприятия, льнозавод, перерабатывающий в год до 5 тысяч тонн льнотресты, молокозавод, пищекомбинат, реконструирован экстрактный завод, перерабатывающий клюкву и другие ягоды, введен в эксплуатацию кирпичный завод, дающий до 1 миллиона кирпича в год, и промкомбинат. На правом берегу реки Онеги вырос рабочий поселок и нижний склад Каргопольского леспромхоза. Рабочие поселки выросли и в лесах, в каждом имеются электростанция, радиоузел, клуб, библиотека, магазин. Технический персонал и кадровые рабочие обеспечивают выработку пятисот тысяч кубометров деловой древесины в год. Значительная часть ее идет на экспорт.

В районе 83 общеобразовательные школы с 6 тысячами учащихся и 388 учителями. Кроме того, молодежь обучается в школах рабочей и сельской молодежи, в школе механизаторов, музыкальном училище, в педагогическом училище, которое уже отпраздновало свой пятидесятилетний юбилей.

В 47 клубах работают кружки художественной самодеятельности, в 25 библиотеках к услугам читателей 210 тысяч книг, кроме периодических изданий, 63 киноустановки снабжаются новейшими фильмами. Каргопольцам есть где и поучиться, и развлечься.

В Каргополе издается многотиражная газета «Коммунист», есть краеведческий музей.

Древний Каргополь в ближайшие годы окончательно примет облик современного города — благоустроенного и культурного. Его замечательные архитектурные памятники, создававшиеся на протяжении веков руками и талантом тружеников, войдут как органическая часть в его новую планировку. Работы по благоустройству города уже начаты, приняты и меры к сохранению его белокаменной красоты.

Генеральный план коренной реконструкции Каргополя разработан в Ленинградском государственном институте проектирования городов большим авторским коллективом.

План неоднократно рассматривался, исправлялся и дополнялся, теперь он отработан и утвержден окончательно.

Каргополь по-прежнему будет смотреться в воды реки Онеги, но он займет не только территорию старого города на левом берегу, часть его перейдет и на берег правый. Река разделит город на две части. Они будут соединены мостом современной конструкции, построенным вместо старого наплавного.

Центр города и его большая часть, все административные и общественные здания останутся на левом берегу. Центральная часть расположится на обширной территории от Советской площади, древней, но помолодевшей, освобожденной от загромождающих и закрывающих ее мелких построек, до земляного вала, который будет всегда напоминать о былых заслугах окраинной крепости.

Вдоль реки протянется широкая набережная. Город разделится на шесть микрорайонов, это облегчит их планировку и сохранность старинных архитектурных комплексов.

Для каждого микрорайона определена численность населения в пределах от двух до пяти тысяч человек. Микрорайоны по архитектуре будут неоднородны. На вновь застраиваемой территории в северной части города вырастут четырех- и пятиэтажные типовые жилые дома, но они не закроют зеленого фона центральной части города. Юго-западный район будет застроен преимущественно двухэтажными жилыми домами.

Разнообразие высот зданий создаст новую, более живописную линию города.

Здания административные и общественные сосредоточатся около его основных площадей — Советской и Крас-

ноармейской и протянутся от реки к западу. В центре запланированы, кроме жилых зданий, Дом культуры и Дом пионеров, библиотека, музыкальная школа и широкоэкранный кинотеатр. Здесь же разместятся основные предприятия—торговые, общественного питания и бытового обслуживания. Облик зданий будет характерен для Севера.

Остальные микрорайоны расположатся на территории, обжитой в течение столетий и застроенной жилыми домами. Обветшалые деревянные дома постепенно заменят новыми каменными.

В каждом микрорайоне предусмотрены школы, детские сады, ясли, магазины, спортивные городки. Все здания города будут снабжены водопроводом, канализацией, теплом и электроэнергией. На новостройках применят бетон, естественный камень, алюминий и стекло. Жилой фонд по площади увеличится к 1980 г. в три раза по сравнению с современным.

В основу советского градостроительства положена забота о человеке. В плане четко отражено стремление создать для жителей города условия, не только обеспечивающие удобства быта, но и учитывающие их культурные запросы.

Человека невозможно оторвать от природы, поэтому недостаточно позаботиться только о его жилище и обслуживании. Генеральный план учитывает это. В Каргополе будет изобилие садов и парков. В северо-западной части города запланировано создать центральный парк культуры и отдыха, а рядом с ним—городской стадион. У Дома пионеров на Пролетарской улице раскинется новый детский парк, оборудованный всем необходимым для игр, развлечений и спорта. Старый, запущенный городской сад будет расчищен и обновлен новыми посадками.

Для озеленения Каргополя потребуется посадочный

материал, поэтому на окраине города закладывается большой новый питомник. Скоро в нем начнут выращивать деревья для общественных садов и парков, а также для приусадебных садов как в городе, так и в окрестных селах. Для озеленения улиц, площадей и набережных, а также охранных зон вокруг памятников архитектуры будут высажены декоративные кустарники и цветы.

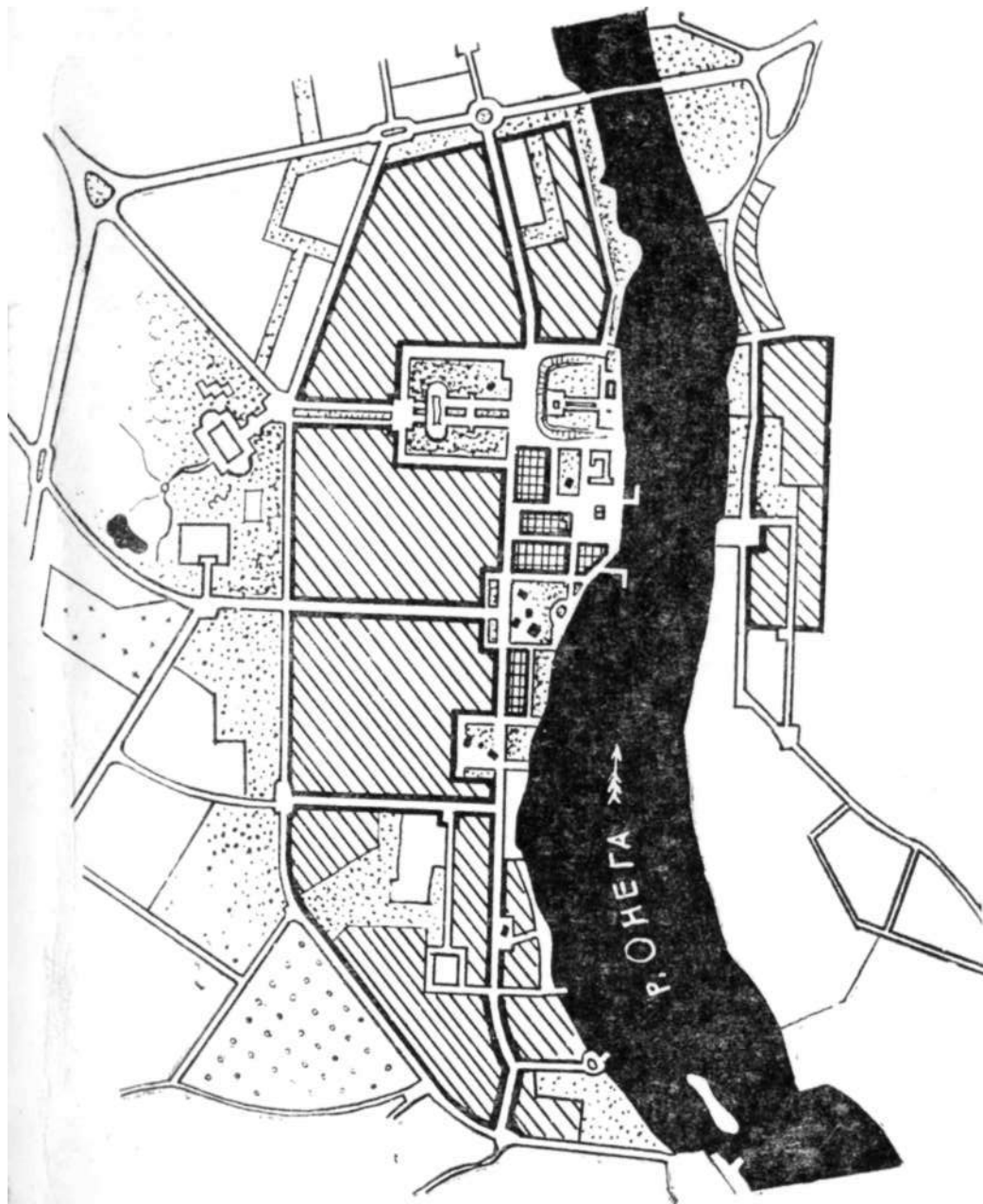
Новый Каргополь станет не только благоустроенным, но и зеленым, нарядным, красивым. Все промышленные предприятия выносятся на окраины города.

Микрорайоны будут связаны и с центром, и с окраинами основными транспортными магистралями — проспектами Ленинградским и Пролетарским.

Проявлена забота и об улучшении связей Каргополя с ближайшими к нему городами — Няндомой, Пудожем и Белозерском, а через них и с Архангельском, Вологдой и Петрозаводском. Связь с северной железной дорогой Архангельск — Вологда обеспечит железнодорожный мост через реку Онегу.

Каргополь возродила Великая Октябрьская социалистическая революция, она открыла новые широкие дороги и для Каргополя. Генеральный план реконструкции города является в то же время и планом дальнейшего развития района в целом.

В Программе Коммунистической партии Советского Союза мудро предусмотрена реконструкция малых городов нашей страны, перед ними стоят большие дела.

Генеральный план реконструкции Каргополя. 1961 г.

ЛИТЕРАТУРА

- «Олонецкие губернские ведомости». Петрозаводск. Олонецкий сборник. Вып. 1, 2, 3, 1884—1896.
- Памятная книжка Олонецкой губернии 1856—1869 гг. (В изданиях № 1, 2, 3 статьи по географии, истории, искусству и этнографии Каргопольского края. Авторы: Е. Барсов, В. М. Белозерский, И. И. Благовещенский, П. П. Шеломов и др.).
- Дашков В. Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях. 1842, СПб., 222 стр. (Опубликована роспись «Каков город и что в городе наряду»).
- Пушкарев И. Описание Олонецкой губернии. 1845, СПб. О Каргополе, стр. 90—93.
- Кораблев С. П. Этнографический и географический очерк г. Каргополя. 1851, М., 77 стр.
- Грабарь И. Э. История русского искусства. Т. 1, 2, 6, 1909.
- Докучаев-Басков Ф. К. Каргополь. «Изв. Арх. общ. изуч. Русского севера», 1913, № 8, стр. 355—377.
- Копяткевич В. Олонецкая художественная старина. «Изв. общ. изуч. Олонецкой губ.», 1914, № 5.
- Рудометов И. И. Каргопольский край. 1919, Каргополь.
- Левинсон Н. Р. и Маясова Н. А. Материальная культура Русского севера в конце XIX — начале XX века (Каргопольская экспедиция 1950 г. Историко-бытовые экспедиции 1949—1950). Тр. Гос. историч. музея, вып. XXIII, 1953, стр. 92—140.

История русского искусства. Под ред. Грабаря И. Э., Кеменова В. С, Лазарева В. Н. Т. III, 1954, т. III, 1955.

Маковецкий И. В. Памятники народного зодчества Русского севера. М. Ин-т истории искусств АН СССР, 1955, 182 стр.

Просвиркина С. К. Русская деревянная посуда. «Памятники культуры», вып. XVI. Тр. Гос. исторического музея. М., 1955, 52 стр.

Соломина В. Искусство древнего севера. По залам музея. Арх. музей изобразительных искусств. 1967. Архангельск, 55 стр.

Смирнова Э. С. Живопись Обонежья XIV—XVI веков. Памятники древнерусского искусства. М. Ин-т истории искусств. «Наука», 1967, 186 стр.

Реформатская М. А. Северные письма. М., «Искусство». 1968, 45 стр. с иллюст.

Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М., «Наука», 1968, стр. 145—178.

Бартенев И., Федоров Б. Архитектурные памятники Русского севера. «Искусство», Л.—М.. 1968. стр. 103—120.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Краткий физико-географический очерк Каргопольского края	5
О чем рассказывают находки археологов	8
Заселение Каргопольского края	12
Из истории города Каргополя	16
Застройка древнего города	29
Планировка города и его архитектура	37
Деревянное зодчество на Каргопольщине	59
Древняя каргопольская живопись	70
Каргопольская рукописная книга	75
Художественное народное творчество	78
Город Каргополь в наши дни	86

Ксения Петровна Гемп

КАРГОПОЛЬ

Редактор Л. И. Одинцова.
Оформление художника Е. И. Кулакова.
Фото В. А. Лапина, А. Д. Кашанского.
Художественный редактор В. С. Вежливцев.
Технический редактор Н. Б. Буйновская.
Корректор М. М. Михайлова.

Сдано в набор 5/IX 1968 г. Подписано в печать 11/XII 1968 г.
Форм. бум. 70 x 108^{1/2} (бумага офсетная). Физ. печ. л. 3,0 + 5 вклеек.
Усл. печ. л. 4,2. Уч.-изд. л. 3,463 +5 вклеек. Тираж 15 000. Заказ № 3186.
Сл 00791, Цена 18 коп.

Северо-Западное книжное издательство,
Архангельск, пр. П. Виноградова, 76.

Типография им. Склепина.
Архангельск, набережная В. И. Ленина, 86

18 коп.

